

ТАЙНЫ

РАСКОЛЬНИКОВЪ, СТАРООБРЯДЦЕВЪ, СКОПЦОВЪ

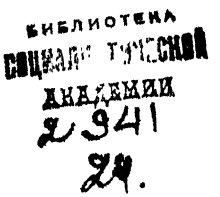
И ДРУГИХЪ СЕКТАТОРОВЪ.

Составлено на основаніи неизданныхъ записокъ
и документовъ, В. Поповымъ.

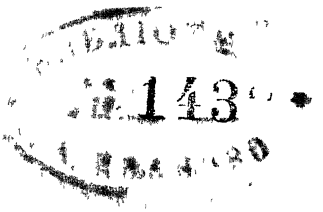
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1871.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18 Апрѣля 1871 г.



Русская Книгопечатня, у Какушкина и. д. № 70.



ВСТУПЛЕНІЕ.

Вопросъ о расколѣ и его значеніи въ государственномъ строѣ довольно давно уже поднятъ въ нашей литературѣ, а также и въ органахъ заграничныхъ выходцевъ изъ Россіи, которые всѣми силами старались представить массу раскольниковъ — какъ политическую силу, предназначенную для осуществленія ихъ безумныхъ намѣреній. Однако опытъ заставилъ ихъ разочароваться въ своихъ надеждахъ. и убѣдилъ ихъ только въ томъ, что они не знали— что такое расколъ и въ чемъ его сила.

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что смѣшивать между собою расколъ и сектаторство— значило бы соединять въ одно цѣлое два совершенно различныя понятія. Подъ именемъ раскола, въ собственномъ смыслѣ этого слова,

слѣдуетъ понимать исключительно различные толки старообрядчества, возникшаго во время никоновской реформы, и къ которому нельзя относить ни скопцовъ, ни духоборцевъ, ни другихъ менѣе многочисленныхъ сектаторовъ, ученія коихъ возникли подъ вліяніемъ совершенно другихъ причинъ.

Зачатки раскола лежали и лежатъ не въ чемъ другомъ, какъ въ недостаткѣ образованія, въ слѣпомъ вѣрованіи въ непогрѣшимость предковъ, возможномъ только при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и неспособности къ холодному и строгому анализу религіозныхъ догматовъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, достаточно припомнить только то, что между искренними поборниками раскола нѣтъ и не было людей образованныхъ. Напротивъ, какъ скоро раскольникъ подчиняется цивилизаціи, хотя бы даже и далеко невполнѣ, онъ—или вовсе отрѣшается отъ раскола, или если по тѣмъ или другимъ политическимъ расчетамъ и остается въ немъ, то только по имени. Для того, кто хорошо знаетъ русскій народъ, немыслимо признавать за подобною необразованною и темною массою старообрядцевъ

какое либо политическое значеніе, потому что, зная ихъ, невозможно не знать и того, что это люди, для которыхъ всѣ вопросы, помимо религіозныхъ, семейныхъ и личныхъ промышленныхъ вопросовъ, имѣютъ второстепенное значеніе. Мечтать о политической роли раскола могли развѣ только личности подобныя г. Кельсіеву; но кому неизвѣстно, чѣмъ окончились попытки этого эмигранта возбудить раскольниковъ противъ правительства? Онѣ доказали только то, что всѣ эти мечты были утопіею, навѣянною вѣтромъ въ недостаточно развитую голову русскаго выходца, и что если г. Герценъ былъ когда либо правъ, то это именно въ тѣ минуты, когда онъ совѣтовалъ г. Кельсіеву отказаться отъ мысли сдѣлаться эмигрантомъ, потому что, какъ ни мелка его настоящая дѣятельность, но во всякомъ случаѣ она имѣетъ болѣе смысла и производительнѣе лично для него, чѣмъ его подвиги въ качествѣ агитатора раскольниковъ. Эти подвиги принесли развѣ только ту пользу, что еще разъ доказали, самымъ несомнѣннымъ образомъ, что расколъ не составляетъ политической силы.

Въ отвѣтъ на наше замѣчаніе, что источни-

ки существованія раскола таятся въ недостаткѣ образованія, кто нибудь возразитъ намъ указаніемъ на бо́льшую грамотность старообрядцевъ, сравнительно съ низшими классами православнаго населенія.

Правда, рѣдкій раскольникъ не знаетъ грамотѣ; но что-же читаетъ онъ? Исключительно почти только однѣ старописьменныя книги, а съ этого рода чтеніемъ конечно нельзя уйти далеко по пути цивилизаціи. На существовавшихъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ московскомъ Кремлѣ дебатахъ раскольниковъ съ православными нерѣдко появлялись изъ числа старообрядцевъ личности, отличавшіяся громадною начитанностію, но тѣмъ не менѣе изумлявшія, за предѣлами чисто религіозныхъ вопросовъ, своими крайне невѣжественными понятіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этого рода дебаты составляютъ одно изъ лучшихъ средствъ къ уничтоженію раскола; это сознавалъ уже и великій преобразователь Россіи— Петръ I, назначавшій не разъ публичныя состязанія съ раскольниками. Только подобныя состязанія и отсутствіе преслѣдованій могутъ искоренить ученіе, основанное на предразсудкахъ

и невѣжествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, расколъ никогда такъ не усиливался, у него никогда не являлось такъ много фанатиковъ, игравшихъ роль мучениковъ, какъ въ періоды его преслѣдованія, напр., втеченіе прошедшаго царствованія, и наоборотъ, онъ никогда не былъ такъ слабъ, какъ въ тѣ годы, когда старообрядцы пользовались свободнымъ отправленіемъ своего богослуженія.

Случаи совращенія въ расколъ, нерѣдко цѣлыхъ православныхъ селеній, бывшіе въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній, въ послѣдніе годы, нисколько не доказываютъ усиленія раскола и его политическаго значенія, какъ думаютъ многіе Это ясно уже изъ того, что подобныя совращенія совершались исключительно въ средѣ необразованныхъ крестьянъ и притомъ именно въ такіе моменты, когда ихъ побуждали къ этому не столько какія нибудь религіозныя убѣжденія, сколько безвыходное положеніе, въ которое они были поставлены постигшими ихъ неожиданно бѣдствіями. Ярые послѣдователи раскола вообще не щадятъ денегъ на увеличеніе числа своихъ единомышленниковъ и ихъ поддержку въ моменты несчастій. Эта-то взаимная помощь и составляетъ главную силу раскола,

являющагося съ характеромъ финансовой, а не политической силы. Вотъ чѣмъ объясняется также—почему раскольникъ нищій составляетъ явленіе исключительное.

Расколъ, повторяемъ мы, сила финансовая и притомъ по преимуществу сила промышленная; многія изъ нашихъ лучшихъ фабрикъ и заводовъ принадлежатъ раскольникамъ. Отличаясь трезвостію жизни, эти люди, оставляя въ сторонѣ ихъ религіозныя заблужденія, не вредны, а скорѣе полезны государству. Въ лѣтописяхъ исторіи сохранилось много старообрядческихъ именъ, заслужившихъ своею дѣятельностію равно уваженіе какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ; таковъ, напримѣръ, во времена Петра I, былъ знаменитый Денисовъ.

Вопросъ о расколѣ, въ особенности въ настоящее время, когда раскольники все болѣе и болѣе выходятъ изъ своей замкнутости, можетъ быть успѣшнѣе и лучше всего разрѣшенъ нашею печатью, которая успѣла сдѣлать въ этомъ отношеніи уже очень много. Такъ подъ ея вліяніемъ возникла у московскихъ старообрядцевъ мысль объ учрежденіи школы, которая, при дальнѣйшемъ постепенномъ ея развитіи,

послужитъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій уничтоженія одряхлѣвшаго раскола, потому что образованный раскольникъ положительно немыслимъ.

Жизнь и опора старообрядчества таится по преимуществу въ его вождяхъ, въ большинствѣ случаевъ, давно уже отрѣшившихся отъ него и сохраняющихъ видъ его поборниковъ только ради личныхъ расчетовъ, а потому на нашей печати и ложитъ обязанность нанести прежде всего ударъ этимъ коноводамъ, изобличивъ ихъ двуличную роль, ихъ цѣли и стремленія. Это присутствіе обличительнаго характера въ статьяхъ о расколѣ чрезвычайно важно, потому что дастъ возможность провѣрить сдѣланныя указанія фактами, при недостаткѣ которыхъ старообрядецъ отнесетъ всякое, даже самое справедливое порицаніе того или другаго явленія, только къ недоброжелательству автора. Онъ вѣруетъ безсознательно въ чистоту своихъ іерарховъ и вождей, и не подозрѣваетъ того, что большинство ихъ спекулируетъ на расколъ, давно уже потерявшій въ глазахъ ихъ всякое значеніе. Одни изъ нихъ, преимущественно люди богатые, дорожатъ правами коноводовъ, толь-

ко по необузданному честолюбію и желанію повелѣвать, а другіе вожди-промышленники пользуются почетомъ для сбора значительныхъ подаяній въ пользу различныхъ скитовъ и іерарховъ, при чемъ большая часть сбора иногда переходитъ въ ихъ собственные карманы.

Раскройте старообрядцамъ темныя стороны ихъ предводителей, представьте имъ типы ихъ, не вдаваясь въ инсинуаціи, и—разъ потерявъ къ нимъ уваженіе, они пойдутъ по иной дорогѣ. Кромѣ того, духъ времени и неизбѣжныя сношенія ихъ съ образованными классами не могутъ остаться безъ вліянія на ихъ массу. Правда, это вліяніе, какъ показываетъ опытъ, выражается пока только во внѣшнихъ, мелочныхъ уступкахъ требованіямъ вѣка, какъ то—въ измѣненіи покроя платья, посѣщеніи общественныхъ собраній, клубовъ и т. п. Однако, мало по малу, отъ этихъ мелочей расколъ перейдетъ къ болѣе важнымъ отступленіямъ отъ своего ученія и наконецъ исчезнетъ окончательно.

Въ виду всего этого, преслѣдовать расколъ—значило бы возбуждать опасный фанатизмъ, который можетъ только усилить его, и превратить міръ раскольниковъ въ массу недоволь-

ныхъ, способную дѣйствительно преобразиться въ политическую силу.

Дѣло другое—сектаторство, между которымъ есть много такихъ ученій, которыя положительно вредны и потому не могутъ быть терпимы.

Наше русское сектаторство обязано своимъ происхожденіемъ, какъ мы уже замѣтили, говоря о расколѣ или такъ называемомъ старообрядчествѣ, совершенно инымъ причинамъ, чѣмъ тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ возникло это послѣднѣе. Различныя наши секты не имѣютъ, подобно многочисленнымъ толкамъ раскола, одной исходной точки, въ родѣ никоновской реформы, такъ сказать, одного общаго источника, который соединялъ бы ихъ между собою болѣе или менѣе тѣсною связью; онѣ, совершенно напротивъ, зародились независимо одна отъ другой, въ различные періоды времени, преимущественно подъ вліяніемъ свойственной русскому народу религіозной пытливости. Въ самомъ дѣлѣ, онъ едва-ли не болѣе, чѣмъ всякій другой народъ, склоненъ сосредоточиваться въ теологическихъ вопросахъ, возбуждаемыхъ въ немъ догматами религіи и текстами писанія, въ которыхъ онъ, по врожденной склонности

къ мистицизму, охотно видитъ таинственный смыслъ часто даже тамъ, гдѣ все ясно и просто. Немудрено, что въ подобномъ случаѣ человѣческій умъ легко сбивается съ истиннаго пути, запутывается въ лабиринтѣ непонятныхъ для него богословскихъ тонкостей и, уклоняясь такимъ образомъ невольно отъ ученія церкви и самъ того не зная, создаетъ новую секту, которая въ большинствѣ случаевъ выростаетъ, на готовой къ ея воспроизведенію почвѣ, совершенно неожиданно, какъ отвѣтъ на вопросы, томящіе не одного какого либо мыслителя, а нерѣдко цѣлое общество

Начало секты, по большей части, очень просто. При ея зарожденіи нѣтъ и мысли объ отдѣленіи отъ господствующей церкви; все ограничивается желаніемъ разъяснить то или другое религіозное недоумѣніе; напр., встрѣчаетъ какой нибудь религіозный начетчикъ въ словахъ писанія похвалу дѣвственникамъ, задумывается надъ ними, повѣряетъ свои думы другимъ подобнымъ же охотникамъ доискиваться до таинственнаго смысла текстовъ, начинаются толки, пренія, въ результатѣ является отверженіе брака, и—секта готова. Вступивъ разъ на этотъ

путь отрицанія, она съ каждымъ днемъ идетъ далѣе и далѣе, и доходитъ наконецъ до того, что порываетъ всякую связь съ церковью и становится отъ нее особнякомъ, непризнающ[redacted]ея авторитета общиною сектаторовъ-аскетовъ, отвергающихъ бракъ, а вмѣстѣ съ нимъ семейный и даже общественный союзъ Само по себѣ понятно, что подобное аскетическое ученіе, уже по самому существу своему, какъ идущее наперекоръ общему всему человѣчеству стремленію къ семейному и общественному союзу, не можетъ имѣть продолжительнаго существованія, что источники смерти таятся въ самомъ его зародышѣ.

Не раздражайте фанатизма послѣдователей этой новой секты, и она, какъ противоестественная, исчезнетъ сама съ лица земли; совершенно напротивъ, если вы раздражите его преслѣдованіями, то сектаторы увидятъ въ себѣ мучениковъ за вѣру, и ради права на это названіе они не задумаются прибѣгнуть даже къ самому отвратительному изувѣрству, для увеличенія въ подобномъ случаѣ числа своихъ единомышленниковъ. Какъ доказываетъ исторія многихъ сектъ, они не остановятся ни передъ ка-

кими жертвами: совращая однихъ въ свою секту силою софизмовъ и діалектики, они привлекутъ другихъ въ нее просто золотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ неизвѣстно то, что большинство послѣдователей скопческой секты [redacted]пили въ нее не по религіозному заблужденію, а продали себя болѣе или менѣе дорогою цѣною. Но вотъ и другой подобный же примѣръ зарожденія секты. Замѣчаетъ какой-либо глубоко религіозный человѣкъ упадокъ нравственности въ окружающемъ его обществѣ и сѣтуетъ на то, что наши церковныя постановленія не въ силахъ остановить развивающейся все сильнѣе и сильнѣе деморализаціи, что они не воспрещаютъ вовсе употребленія вина — этого главнаго, по его мнѣнію, источника зла; эти сѣтованія встрѣчаютъ сочувствіе въ нѣсколькихъ членахъ общества, образуется кружокъ, и снова начинаются пренія и сходки, на которыхъ одинъ вопросъ возникаетъ за другимъ, одни постановленія церкви измѣняются или дополняются, вслѣдъ за другими. Включивъ въ число догмъ религіи воспрещеніе употребленія вина, безсознательные реформаторы обращаютъ свое вниманіе на недостатки духовенства, и оканчи-

ваютъ тѣмъ, что отвергаютъ всю церковную іерархію, а вмѣстѣ съ нею и всю религіозную обрядность, и вотъ снова секта готова. И кто же создалъ ее? Она возникла безъ родоначальника, безъ имени—это продуктъ самой почвы, а потому для ея уничтоженія необходимо прежде всего измѣнить и переработать самую почву, уничтожить въ ней тѣ условія, которыя служатъ семянами сектаторства.

И сколько сектъ возникаютъ этимъ путемъ, сколько ихъ живутъ и умираютъ никому невѣдомыя и никѣмъ незнаемыя! Это секты самородныя, основателей которыхъ не отыщетъ никакая полиція и исторіи зарожденія коихъ не раскроетъ никакой судебный слѣдователь...

Мы упомянули уже мимоходомъ о томъ вліяніи, которое имѣютъ преслѣдованія, на развитіе сектаторства. Чтобы подтвердить наши слова примѣромъ, намъ нѣтъ надобности рыться въ архивныхъ документахъ, передъ нами свѣжій фактъ, доказывающій ихъ справедливость самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Не далѣе, какъ въ 1867 году (*), въ Мостовинской во-

(*) По свидѣтельству корреспондента газеты «Москва».

лости, Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи, возникла новая секта «немоляковъ», не признающая ни образовъ, ни внѣшней церковной обрядности, къ которой стали примыкать цѣлыя селенія. Начальство, въ видахъ ея искорененія, стало сажать главныхъ виновниковъ въ острогъ. И къ чему же привела эта мѣра? Не болѣе и не менѣе, какъ къ тому, что единомышленники заключенныхъ увидали въ этихъ послѣднихъ мучениковъ за вѣру, и подъ вліяніемъ разгорѣвшагося въ нихъ фанатизма стали являться къ мѣстнымъ властямъ толпами, съ просьбами о заключеніи ихъ въ острогъ. Толпы эти были до того значительны, что, съ одной стороны, по недостатку помѣщенія, пришлось отказать многимъ изъ нихъ въ исполненіи ихъ желанія, а съ другой, послѣ напрасныхъ попытокъ присланной изъ губерніи коммисіи изъ духовныхъ лицъ—убѣдить отложившихся отъ церкви къ возвращенію въ ея лоно, оказалось (по причинѣ обнаружившейся въ острогѣ отъ тѣсноты смертности) необходимымъ выпустить большинство заключенныхъ, оставивъ въ немъ только главныхъ коноводовъ, которые, въ ожиданіи своей участи, и до сихъ поръ, не смотря ни на

что, не отказываются отъ своихъ заблужденій. Вотъ тѣ результаты, къ которымъ привело преслѣдованіе «немоляковъ», результаты, безъ сомнѣнія, далеко неотраднаго свойства и указывающіе самымъ краснорѣчивымъ образомъ не только на безполезность, но даже на вредъ гоненія безвредныхъ сектъ. Это положеніе, какъ мы думаемъ, тѣмъ болѣе раціонально, что въ отношеніи ихъ преслѣдованіе не можетъ быть допущено даже и какъ неизбѣжное зло, для огражденія общественнаго спокойствія, потому что по своей разъединенности и незначительному числу послѣдователей каждой особой секты, они не могутъ составлять независимо одна отъ другой политической силы, а соединеніе ихъ между собою въ одно общее цѣлое, при ихъ рѣзкой разнородности, положительно немыслимо. Послѣ всего сказаннаго нами становится очевидно, что для ограниченія ихъ распространенія безполезно принимать какія либо насильственныя мѣры.

Дѣло другое—секты вредныя, доводящія свое изувѣрство до уродованія человѣческаго организма, въ родѣ скопцовъ; секты, потворствующія,

подобно очищенцамъ (*), разврату, или стремящіяся къ анархіи, и наконецъ секты, употребляющія, для увеличенія числа своихъ адептовъ, преступныя мѣры подкупа, обмана и насилія; всѣ онѣ не могутъ и не должны быть терпимы въ благоустроенномъ обществѣ.

Но знаемъ-ли мы—какія секты вредны и какія нѣтъ? Напр., секту молоканъ у насъ съ давнихъ поръ привыкли причислять къ числу самыхъ вредныхъ, а между тѣмъ, всѣ люди знавшіе ее сколько нибудь близко, — начиная еще отъ извѣстнаго Ивана Владиміровича Лопухина, составителя ревизіоннаго отчета, принадлежащаго къ началу настоящаго столѣтія,— отзываются о преслѣдуемыхъ закономъ молоканахъ съ самой хорошей стороны. Отчего зависитъ это странное противорѣчіе? Какъ согласить то, что очевидно вредные скопцы безпрепятственно проживаютъ въ нашихъ столицахъ, между тѣмъ какъ безвредные молокане изгоняются изъ нихъ?

Причина всего этого проста: она таится въ

(*) О сектѣ «очищенцовъ» у насъ извѣстно очень мало; печатныхъ же матеріаловъ для ея исторіи не существуетъ почти вовсе.

томъ, что до сихъ поръ мы были знакомы съ этою сектою только по имени, а въ сущности мы узнали ее очень недавно, благодаря появившимся въ послѣдніе годы добросовѣстнымъ и обстоятельнымъ изслѣдованіямъ нашихъ спеціалистовъ по расколу и сектаторству.

И такъ, что-же такое молоканство, въ чемъ заключается эта мнимо вредная секта?

Молоканство—это, можно сказать, религія дѣлъ и совѣсти, это поразительный образчикъ, съ одной стороны, того, до чего можетъ довести указанное нами стремленіе къ объясненію таинственнаго смысла текстовъ, а съ другой, примѣръ того, какое ложное истолкованіе можетъ быть сообщено совершенно безвредному, въ политическомъ и общественномъ смыслѣ, ученію, при его изслѣдованіи только офиціальнымъ путемъ.

Мы не станемъ излагать во всей подробности вѣрованія молоканъ, а ограничимся только главнѣйшими его особенностями.

«Мы созданы, говоритъ молоканинъ,—по образу и подобію Божіему, который состоитъ въ правдѣ и подобіи истины. Богъ открывается намъ въ духѣ нашемъ и всецѣло пребываетъ въ насъ;

мы храмъ Бога живаго, и Богъ въ насъ обитаетъ и мы въ Немъ». Вотъ исходное положеніе, изъ котораго развивается все остальное ученіе этой секты. Руководясь имъ и видя въ своемъ духѣ главнаго руководителя и начало всѣхъ поступковъ и всей жизни, молокане отвергли все, начиная отъ церковныхъ книгъ (кромѣ «Библіи» и «Апокалипсиса») до религіозныхъ обрядовъ и церковной іерархіи, какъ внѣшнюю и ненужную формалистику, взамѣнъ которой они поставили чистоту поступковъ, такъ, напр., молокане отвергаютъ присягу (и это послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ признанію ихъ секты вредною), но отвергаютъ ее только съ формальной точки зрѣнія, а въ сущности почитаютъ простое обѣщаніе столько же для себя обязательнымъ, сколько и клятву именемъ Бога. Точно такъ-же, руководясь примѣромъ церкви современной Спасителю, они уничтожили церковную іерархію, какъ учрежденіе человѣческое.

Говоря все это, мы, конечно, не имѣемъ въ виду оправдывать религіознаго ученія молоканъ; задача наша вовсе не теологическая, ея цѣль — показать значеніе сектаторства въ обществен-

номъ и политическомъ отношеніяхъ, а безвредность молоканъ въ этомъ смыслѣ доказывается лучше всего ихъ обширными и цвѣтущими степными поселеніями, до того изумляющими чистотою нравственности своихъ обитателей, что каждый изслѣдователь, посѣщая ихъ, невольно спрашиваетъ самъ себя: да гдѣ же здѣсь вредъ? За что преслѣдовать этихъ трудолюбивыхъ и честныхъ людей, съумѣвшихъ изгнать изъ своей среды и торговый обманъ, и кражу, и пьянство,—однимъ словомъ, многія необходимыя принадлежности нашего общества, сдѣлавшіяся у молоканъ извѣстными только по имени?

И въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы онъ, конечно, не найдетъ иного объясненія тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергалась эта секта, кромѣ объясненія ихъ нашимъ полнѣйшимъ незнаніемъ ея сущности. И сколько, можетъ быть, другихъ сектъ подвергаются подобному-же незаслуженному нареканію только вслѣдствіе нашего ошибочнаго взгляда на нихъ. Представить ихъ въ истинномъ свѣтѣ и выяснить сущность различныхъ малоизвѣстныхъ сектъ—вотъ та обязанность, которая лежитъ на нашей литературѣ, по отношенію къ сектаторству; это,

по нашему мнѣнію, одна изъ самыхъ высокихъ и прекрасныхъ ея задачъ, и притомъ выполненіе ея далеко не такъ трудно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, потому что, по всей вѣроятности, при отсутствіи въ подобныхъ изслѣдованіяхъ офиціальнаго характера, успѣху ихъ не откажутся содѣйствовать и сами сектаторы. Такъ, напр , одному изъ нашихъ путешественниковъ по молоканскимъ поселеніямъ послѣдователями этой секты было высказано самое непритворное желаніе того, чтобы о нихъ были опубликованы правдивыя изслѣдованія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что стремиться къ подобной гласности могутъ только секты безвредныя. Наоборотъ, вредныя изъ нихъ, какъ напр. скопчество, всегда будутъ прикрываться завѣсою таинственности потому, что если сорвать съ обезображеннаго лица той или другой изъ нихъ прикрывающую его маску, то она не привлечетъ никого въ свои объятія, а напротивъ, заставитъ каждаго съ ужасомъ отвернуться отъ нея. Изобличеніе и раскрытіе ихъ гнусныхъ таинствъ—вотъ вѣрнѣйшее противоядіе противъ подобныхъ безнравственныхъ ученій,

большинство послѣдователей которыхъ узнаютъ ихъ во всей наготѣ только тогда, когда возвращаться назадъ уже поздно, когда имъ остается одно: покориться своей участи. Въ самомъ дѣлѣ, сколько преступленій, помимо религіознаго изувѣрства, лежитъ на однихъ нашихъ скопцахъ, не смотря на то, что большинство ихъ покрыто канцелярскою тайною стараго времени.

Обманъ и всякія преступленія въ отношеніи людей, непринадлежащихъ къ скопческой сектѣ, по сознанію самихъ ея послѣдователей, почитаются между ними почти богоугоднымъ дѣломъ, а дѣланіе фальшивой монеты правымъ поступкомъ (*). Но этого мало; новѣйшія изслѣдованія скопчества показали, что однимъ изъ главныхъ элементовъ этой секты служило и служитъ самозванство. Такъ, уже въ 1819 году между скопцами являются: кнутованный каторжникъ Селивановъ, именующій себя Искупите-

(*) Этого рода показанія были даны, при разслѣдованіи дѣла о таврическихъ скопцахъ, главою этой секты Игнатомъ Тарасовымъ, признавшимся между прочимъ и въ дѣланіи имъ самимъ фальшивой монеты. (Донес Таврич губернат. министру внутр. дѣлъ, 29 янв. 1845 г.).

лемъ и Петромъ III, и мѣщанская жена, разведенная съ мужемъ за развратное поведеніе, выдающая себя за Богородицу и великую княгиню Анну Ѳеодоровну, супругу Цесаревича Константина Павловича. Мы не станемъ перечислять цѣлаго ряда подобныхъ самозванствъ, а замѣтимъ только, что они продолжаются, какъ видно изъ газетныхъ извѣстій и слѣдственныхъ дѣлъ, и до нашего времени.

Поддерживаемая богатыми скопческими торговыми домами, эта секта развивалась почти совершенно свободно, не встрѣчая, по какимъ-то непонятнымъ причинамъ, почти никакого противодѣйствія со стороны администраціи и покупая себѣ новыхъ приверженцовъ на вѣсъ золота, ради котораго на жертву изувѣрству скопцовъ отдавали и отдаютъ до сихъ поръ даже малолѣтнихъ дѣтей. Это фактъ извѣстный почти каждому, не требующій особыхъ комментаріевъ, но указывающій самымъ краснорѣчивымъ образомъ на необходимость самыхъ энергическихъ административныхъ мѣръ для искорененія этого зла и окончательнаго уничтоженія скопческой секты.

Мы указали только на двѣ наименѣе извѣст-

ныя секты, но сообщенныхъ нами данныхъ вполнѣ достаточно для того, чтобы съ одной стороны показать, съ какою осторожностію слѣдуетъ относиться къ опредѣленію вредности той или другой секты, а съ другой, чтобы уяснить всю важность изслѣдованія нашею литературою различныхъ отраслей сектаторства.

ОЧЕРКИ СЕКТАТОРОВЪ И РАСКОЛЬНИКОВЪ

I.

Блюстительница раскола, вдова благочестивая Адамантъ.

1.

Вдова Адамантъ пользуется между послѣдователями одного изъ раскольничьихъ толковъ громаднымъ авторитетомъ. Темный міръ раскольниковъ убѣжденъ, что она отреклась отъ свѣта и посвятила себя служенію на дѣло правовѣрія; въ свою очередь, въ кругу образованныхъ сословій, она играетъ роль раскольницы новаго вѣка, роль женщины, не чуждающейся ни общественныхъ собраній, ни даже танцевъ и маскарадовъ. Вдова Адамантъ съ равнымъ успѣхомъ подвизается посреди странницъ и сестеръ, на аренѣ теологическихъ диспутовъ, какъ и между ея безчисленныхъ обожателей на поприщѣ свѣтской любезности. Чтобы по-

знакомиться ближе съ этимъ замѣчательнымъ типомъ, мы должны возвратиться за много лѣтъ тому назадъ, къ годамъ ея дѣвической жизни, и вникнуть, хотя бѣгло, въ ея воспитаніе, благодаря которому выработался настоящій строй жизни Адамантъ.

Родители блюстительницы раскола, по своему образу жизни, мало чѣмъ отличались отъ нащихъ раскольниковъ средней руки; однимъ словомъ, въ юности героиню нашего разсказа окружали обычные атрибуты быта нашего купечества. Дѣла отца маленькой Сони (имя Адамантъ), когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, приняли совершенно неожиданный оборотъ; благодаря счастливому случаю, онъ получилъ медаль, сдѣлался богачомъ и попалъ въ кругъ болѣе образованныхъ людей, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ вращался до того времени.

Въ сердцѣ стараго раскольника зародились съ этого времени невѣдомыя ему до тѣхъ поръ чувства—честолюбія и желанія быть не хуже другихъ. Онъ началъ мечтать о томъ, какъ-бы черезъ посредство дочери породниться съ дворяниномъ; какъ человѣкъ сметливый, онъ понялъ, что для этого ей необходимо имѣть об-

разованіе, а ему жить совершенно иначе. Пришедши къ этому убѣжденію, Поликарпъ отправился на одну изъ раскольничьихъ сходокъ, собравшихся въ домѣ мѣстнаго Ротшильда-сектатора.

— Да, православные, да, говорилъ Поликарпъ здѣсь своимъ единомышленникамъ,—слабѣетъ наше правовѣріе; вонъ уже и Сушковы, наши столбы-то, и тѣ отщепляться начинаютъ. Мало силы у насъ, значитъ. Милостивцевъ-то нѣту.

— Да! замѣтилъ сѣдой старикъ, съ глубокимъ вздохомъ. Да, а что противу этого подѣлаешь?

— Подѣлать-то бы и можно, да... врядъ-ли такой человѣкъ найдется?

— Говорить-то легко... а попробуй взяться!

— Жертву, значитъ... жертву нужно принести.

— Жертву?... Говори толкомъ... Денегъ у насъ, я думаю, не занимать стать!

— Не въ деньгахъ дѣло, а вотъ теперь нужно бы намъ руку сильную найти... т. е. кому ни на есть изъ насъ дщерь свою за ка-

кого нибудь князя выдать... ну, а для этого нужно ее, конечно... всякой книжной мудрости наставить...

— Ты что-то мудрено толкуешь...

— Чего тутъ мудраго?.. Будь у насъ свой такой человѣкъ, онъ за насъ бы горою у властей стоялъ, стали бы мы почести всякія получать, ну, тогда и столбы-то наши при насъ бы остались.

— Правду вѣдь ты, Поликарпъ, толкуешь! зашумѣли раскольники. Ну, что-же, вотъ у тебя дочь есть, ну, и выдай ее.. пусть правовѣрію служитъ...

— Такъ-то такъ, да вѣдь я человѣкъ-то маленькій...

— Полно-те, Поликарпъ, сказалъ одинъ изъ вожаковъ,—всѣ мы равны, и благо сотворившему дѣяніе благое; всѣ мы тебя на сей подвигъ благословляемъ!

Ухитрившись такимъ образомъ сохранить уваженіе своихъ собратій и прикрыть свое честолюбіе дѣломъ религіи, Поликарпъ принялся за воспитаніе 16-лѣтней дочери. Нанялъ онъ для нее мадаму-француженку, какъ выражался онъ самъ, и подрядилъ ее обучить Соню

музыкѣ, танцамъ и прочей бѣсовской премудрости.

Немудрено, что курсъ, начатый въ шестнадцать лѣтъ, принесъ далеко не блестящіе плоды: изъ Адамантъ вышло ни то, ни се—ни раскольница, ни свѣтская дама. Съ одной стороны, глядя на примѣры женскихъ знаменитостей раскольничьяго міра, дѣвушка мечтала о возможной для нея роли блюстительницы правовѣрія, а съ другой, ей грезились шумъ блестящаго бала, мундиры военныхъ и бряцаніе шпоръ и сабель; однимъ словомъ, она вышла нравственнымъ уродомъ.

Миновало два года, ей было уже 18 лѣтъ, а князя жениха не оказывалось; наконецъ, къ Адамантъ присватался если хотя и не князь, но за-то богачъ раскольникъ, украшенный золотою медалью, что значительно льстило самолюбію ея отца. «Не за кого нибудь отдамъ, говорилъ онъ,—вѣдь женихъ-то человѣкъ не какой нибудь, на дворянской, значитъ, линіи стоитъ!»

Порѣшивъ дѣло, Поликарпъ призвалъ къ себѣ дочь.

— Софья, сказалъ онъ ей,—я тебѣ жениха нашелъ, по рукамъ ударили.

— Слушаю-съ, тятенька! отвѣтила послѣдняя, такъ равнодушно, какъ будто-бы дѣло шло о покупкѣ какой нибудь ничтожной принадлежности туалета.

— Ты у меня не перечь, потому значитъ добра тебѣ желаю; не вертопраха какого выбралъ, а человѣка солиднаго.

— Изъ вашей, тятенька, воли не выйду!

— То-то; Крутогорова младшаго знаешь?

— Знаю, тятенька!

— Ну, вотъ онъ-то твой и есть женихъ! Ужо смотрины вечеромъ будутъ. Такъ ты, смотри, побольше тамъ всякихъ белендрясъ то надѣнь.

— Слушаю-съ, тятенька.

Вечеромъ квартира Поликарпа приняла торжественный видъ; по освѣщеннымъ комнатамъ сновали офиціанты въ бѣлыхъ галстухахъ и фракахъ, самъ хозяинъ прохаживался по залѣ, въ новомъ длиннополомъ сюртукѣ, съ медалью на шеѣ, а въ гостинной на диванѣ сидѣла Адамантъ, вся въ брилліантахъ. Мало по малу начали съѣзжаться гости, наконецъ явились и Крутогоровы.

Младшій Крутогоровъ былъ типомъ завзятаго

раскольника, онъ постигъ вполнѣ коммерческій макіавелизмъ и іезуитизмъ своихъ отцовъ, и не смотря на свои молодые годы, съумѣлъ приложить это знаніе къ жизни. Изъ числа его подвиговъ былъ замѣчателенъ въ особенности одинъ; незадолго до отъѣзда Гаврилы Ивановича (такъ звали младшаго Крутогорова) на ярмарку, въ домѣ его отца укрывался раскольничій архіерей, а въ сущности какой-то бѣглый попъ. Гаврила смекнулъ, что на этой статьѣ можно нажиться, и поѣхалъ уже скорѣе не на ярмарку, гдѣ могли управиться и прикащики, а за сборомъ въ пользу раскольничьяго іерарха. Успѣхъ предпріятія превзошелъ его ожиданія, онъ собралъ чуть-ли не нѣсколько десятковъ тысячъ, изъ которыхъ рублей тысячу и удѣлилъ архіерею. Отецъ Крутогорова, узнавъ объ этомъ поступкѣ сынка, не только не осудилъ его, а напротивъ, порѣшилъ, «что изъ него будетъ толкъ, что малый выйдетъ коммерческій.» И точно, изъ Гаврилы Ивановича вышелъ коммерсантъ, въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ понимаетъ его большинство нашего купечества, т. е изъ него вышелъ человѣкъ безъ сердца и души, человѣкъ, у кото-

раго все въ жизни было основано на расчетѣ, который никогда не вздрагивалъ отъ жалости или состраданія. Дѣлая расчеты съ рабочими, Гаврила Ивановичъ умѣлъ мастерски оттянуть у нихъ нѣсколько рублей изъ ихъ и безъ того ничтожнаго заработка; продавая, онъ превосходно обладалъ способностію подсунуть покупателю заваль, вмѣсто доброкачественнаго товара. Прибавьте къ этому, что Крутогоровъ былъ превосходнымъ актеромъ въ жизни, и вы будете имѣть самое полное понятіе объ этой эгоистической личности, объ этомъ каменномъ человѣкѣ. Гаврила Ивановичъ до того владѣлъ искуствомъ лицемѣрить, что видя его въ кругу свѣтской, купеческой молодежи, и въ кругу своихъ собратій раскольниковъ, вы бы не узнали его. Закоренѣлый раскольникъ, но раскольникъ по расчету, потому что въ средѣ старообрядцевъ онъ имѣлъ значеніе и силу, являясь въ свѣтъ, онъ становился человѣкомъ, готовымъ подъ-часъ и на веселую попойку съ милыми, но погибшими созданіями, конечно въ томъ только случаѣ, если это было нужно по тѣмъ или другимъ коммерческимъ соображеніямъ. Таковъ-то былъ человѣкъ, которому было суждено стать мужемъ Софьи Поликарповны.

Вошедши въ залъ, Крутогоровъ перекрестился большимъ крестомъ на висѣвшій въ углу образъ, важною поступью подошелъ къ невѣстѣ и поцѣловалъ ея ручку. Что касается до наружности Адамантъ, то она могла бы служить типомъ русской красавицы, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Спустя нѣсколько дней, бракъ совершился, и Адамантъ стала г-жею Крутогоровою. Первые дни ея замужества прошли такъ, какъ они проходятъ вообще у новобрачныхъ, вступившихъ въ союзъ не по любви, а по расчету, а потому, мы, минуя ихъ, взглянемъ на Адаманть спустя годъ послѣ ея свадьбы.

Этотъ годъ не прошелъ для нея безплодно; втеченіе его, изъ дѣвочки безъ всякихъ убѣжденій выработалась женщина съ сильнымъ характеромъ и заранѣе предположенною цѣлью жизни; этою цѣлью было владычество надъ двумя совершенно противоположными мірами: міромъ раскольниковъ и блестящимъ свѣтомъ полуобразованной купеческой молодежи. Этотъ взглядъ на жизнь и стремленія сложились у Адамантъ подъ вліяніемъ отчасти ея мужа, отчасти сестры этого послѣдняго.

Самолюбивая Крутогорова, живя въ обществѣ раскольниковъ, съ досадою и завистью смотрѣла на тотъ почетъ, который оказывали ея невѣсткѣ старообрядцы, относившіеся къ этой послѣдней, какъ къ какой-то повелительницѣ, и сбиравшіеся въ ея молельную, какъ въ какой-то священный вертоградъ. Рѣшившись разъ явиться соперницею на аренѣ раскола, Адамантъ, не забывшая еще уроковъ француженки о свободѣ любви, начала проповѣдывать новыя убѣжденія и поучать: «что бракъ не обязываетъ жену вѣрностію мужу и что тайная связь, хотя бы и замужней женщины, съ единомыслящими ей, тайно и наказуется, т. е. не наказуется вовсе». Ученіе ея, какъ и все, что потворствуетъ разнузданности нравовъ, нашло своихъ послѣдователей и послѣдовательницъ, и скоро Адамантъ сдѣлалась начальницею и іерархинею новаго толка раскола: одна изъ предположенныхъ ею цѣлей ея жизни была достигнута; что же касается до другой изъ нихъ, то, какъ богатая красавица, благодаря своему ученію, проповѣдывавшему терпимость любви, она безъ труда пріобрѣла себѣ множество поклонниковъ. Крутогорова до того искусно умѣла ве-

сти свои дѣла, что даже свое появленіе на балахъ, съ полуобнаженными плечами, въ пылу танцевъ, она съумѣла объяснить довѣрчивому міру раскольниковъ, какъ жертву на дѣло привлеченія въ свою вѣру людей разномыслящихъ.

II.

Прошелъ годъ, Крутогорова совершенно неожиданно овдовѣла. Это обстоятельство дало ей вмѣстѣ съ огромнымъ состояніемъ и полную независимость. Кругомъ ея сформировалось уже что-то въ родѣ особаго общества, сбиравшагося у нея секретно въ извѣстные дни и часы. Въ одинъ изъ подобныхъ дней, въ гостинной Софьи Поликарповны собралось нѣсколько женщинъ. Посѣтительницы, по большей части такъ-же какъ и посѣтители, отличались молодостію лѣтъ. Всѣ они были послѣдователями ученія Адамантъ. Посреди комнаты, на небольшомъ возвышеніи, помѣщалось обитое краснымъ бархатомъ кресло, по стѣнамъ шли узкіе бархатные диваны, придававшіе ей видъ какого-то общественнаго зала. Послѣ получасоваго молчанія, двери смежной комнаты отворились и въ

нихъ вошла Адамантъ. Она была въ пунцовомъ суконномъ капотѣ, походившемъ на рясу, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ и свѣчею въ рукахъ. Медленными шагами подошла она къ возвышенію и поклонилась на всѣ стороны; присутствовавшіе въ свою очередь отвѣтили ей такими же поклонами и заняли мѣста на диванахъ.

— Братія и сестры, начала Адамантъ, садясь въ кресло,—творите волю, свыше повелѣвающую жить намъ во единеніи. Да не устрашится нѣкая же изъ васъ мужу своему невѣрности, да не преступая оную волю высшую творите. Правда бо есть не въ сожитіи явномъ съ мужіями вашими, се въ тайнѣ: тайна бо тайная и должна быть; понеже единеніе тайное только и благословляется. Слабости же грѣховные явно къ соблазну творящему наказаніе полагается! Тако сестры творите. Аминь.

— Аминь! повторили всѣ присутствовавшіе.

— Братіе, продолжала Адамантъ,—изберите себѣ сестеръ во еже единеніе сотворишь.

Въ отвѣтъ на это всѣ присутствовавшіе раздѣлились попарно и стали подходить къ блюстительницѣ раскола. Поклонившись ей до зем-

ли, каждая пара лобызала ей руку и затѣмъ удалялась изъ комнаты.

Безъ сомнѣнія, большинство участвовавшихъ въ этой комедіи мужчинъ смѣялись въ душѣ надъ Адамантомъ и являлись здѣсь только потому, что ея ученіе потворствовало страстямъ и желаніямъ. Да быть можетъ и сама она не разъ наединѣ улыбалась при мысли о взятой ею на себя роли, но отказываться отъ нея ей было уже слишкомъ поздно; она зашла слишкомъ далеко для того, чтобы возвращаться назадъ.

III.

Прошло два года; въ теченіе этого времени Адамантъ до того вошла въ свою роль іерархини раскола, что даже сама начала почти вѣрить въ свою вдохновенность свыше. Быть можетъ весьма многимъ покажется это страннымъ, но исторіи знаменитыхъ шарлатановъ, въ родѣ Каліостро, доказываютъ, что человѣкъ, принимая на себя съ тою или другою цѣлью какую либо роль, нерѣдко входитъ въ нее и свыкается съ нею до того, что начинаетъ самъ вѣровать въ ея дѣйствительность: разыгрывая

вначалѣ ради выгоды роль провидца и пророка, онъ наконецъ и самъ начинаетъ вѣровать въ данный ему свыше даръ пророчества. То же самое повторилось и съ Крутогоровою: мало по малу она дошла до того, что стала признавать проповѣдуемое ею ученіе за непреложную истину. И вотъ, подъ вліяніемъ этого-то убѣжденія, въ головѣ Адамантъ сложилась мысль создать что-то въ родѣ скита для единомышляющихъ съ нею сестеръ. Конечно, если-бы она глубже вдумалась въ задуманное ею дѣло, то пришла бы къ убѣжденію, что оно служитъ не правдѣ, а разврату и самымъ низкимъ страстямъ... но что ей было за дѣло до того, когда кругомъ ея были сестры, величавшія ее «учительницею» и «матушкою», что ей было за дѣло до нравственности, если ея ученіе давало ей право, не заслуживая порицанія, жить такъ, какъ хочется.

Задумавъ создать скитъ, Адамантъ созвала всѣхъ своихъ послѣдователей и послѣдовательницъ. Снова въ знакомой намъ уже комнатѣ дома Крутогоровой собралось общество ея единомышленниковъ. На этотъ разъ, въ виду, вѣроятно, большей торжественности, въ ней бы-

ло накурено ладаномъ; между гостями шли теологическіе толки.

— Истину вы говорите, матушка Анна Дмитріевна! говорила полнолицая молодая вдова Сагошенкова своей сосѣдкѣ. Воистину подобаетъ тайное тайно творить. Велика слабость человѣческая, не всякій можетъ себя соблюсти.

— Правда, матушка, правда; а не могущій соблюсти себя, да не обнаруживаетъ слабости своея, на соблазнъ міру сему; тайное тайно бо и творитъ.

— Именно такъ, какъ наша наставница поучаетъ. Великаго она ума женщина!

— Что и говорить: жизнь всю свою на богоугодное дѣло, на поученія положила.

— Такъ, матушка, а что, вашъ сожитель не гнѣвается, что вы, Анна Дмитріевна, къ намъ присоединились?

— Онъ и не вѣдаетъ про то; одно только неладно выходитъ, что какъ возьмешь денегъ .. ну, значитъ, мой-то братчикъ нуждается, и дашь ему. Станешь у Адріана Тихоныча потомъ денегъ просить, а онъ и начнетъ допрашивать: да куда ты деньги дѣваешь?... Ты, смотри, не шуры-ли муры заводишь?... Не ска-

зать-же ему правду, потому, значитъ, человѣкъ во мракѣ ходящій!

Обѣ собесѣдницы и не подозрѣвали того, что проповѣдываемыя ими догмы, есть догмы самаго чудовищнаго разврата, что, проповѣдуя ихъ, онѣ издѣваются надъ тѣмъ, что есть самаго священнаго въ мірѣ: надъ семейнымъ союзомъ и взаимною клятвою супруговъ въ вѣрности; но съ одной стороны они были слишкомъ неразбиты, слишкомъ испорчены нравственно, для того, чтобы сознавать все это, съ другой—витіеватая, потворствующая ихъ страстямъ, рѣчь и блестящая обстановка капища лжеучительницы слишкомъ ослѣпили ихъ.

Между тѣмъ, какъ шли эти толки, по собранію пронесся тихій шопотъ, все умолкло, двери комнаты отворились и Адамантъ появилась въ сопровожденіи по бокамъ двухъ сестеръ, съ большими восковыми свѣчами, она съ какою-то особою торжественностью помѣстилась на извѣстномъ намъ уже креслѣ, а сестры стали по бокамъ ея сѣдалища.

— Сестры и братія, начала она,—мало самимъ правду творити, надо и другимъ къ житію благому путь указывати. Много есть си-

рыхъ и убогихъ, пріюта неимущихъ, удѣлимъ-же и имъ частичку отъ благъ нашихъ, создадимъ имъ скитъ для совокупнаго сподвижничества. И Крутогорова сообщила свой планъ, по которому она предполагала устроить въ своемъ домѣ двѣнадцать келій, для дѣвушекъ, которыя согласились-бы принять проповѣдуемое ею ученіе. Предложеніе блюстительницы новаго толка раскола было встрѣчено ея единомышленниками съ восторгомъ, доходившимъ до безумнаго фанатизма. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобнаго рода чудовищныя явленія возможны только въ средѣ чуждой образованія и притомъ въ средѣ нравственно-развращенной; простой, но не развращенный поселянинъ, быть можетъ поддастся той или другой сектѣ, проповѣдующей фанатическое истязаніе плоти или какое нибудь тому подобное ученіе, поддастся ей потому, что въ своемъ вѣрованіи онъ будетъ видѣть подвигъ; но ученію въ родѣ Адамантова онъ никогда не увѣруетъ, потому что пойметъ всю его безнравственность; адепнами его могутъ быть, повторяемъ мы, только люди неразвитые, не имѣющіе никакихъ нравственныхъ принциповъ, глубоко порочные и ищущіе оправ-

данія своимъ страстямъ только въ наружной обстановкѣ ихъ безнравственной секты. Вѣрнѣйшее средство, самое сильное противоядіе противъ подобныхъ вѣрованій—просвѣщеніе и нравственное развитіе.

Порѣшивъ съ основаніемъ скита, Софья Поликарповна, по удаленіи своихъ гостей, сбросила съ себя фантастическій костюмъ блюстительницы раскола и накинувъ батистовую блузу, съ папироскою въ зубахъ, раскинулась на мягкомъ диванѣ своего будуара. Молодая вдова, очевидно, дожидалась кого-то, объ этомъ можно было догадаться по нетерпѣнію, съ которымъ она слѣдила за часовою стрѣлкою.

— Одинадцать часовъ, а его еще нѣтъ! проговорила она наконецъ,—да, да... Я чувствую, что я люблю его, онъ такъ хорошъ и притомъ военный... А если онъ не любитъ меня? Но, нѣтъ, я увѣрена.... да, онъ расположенъ ко мнѣ, онъ будетъ моимъ... Какой онъ душка! закончила она, посылая воздушный поцѣлуй.

Размышленія Адаманта были прерваны появленіемъ горничной.

— Что, Саша? спросила вдова благочестивая.

— Г. Парменовъ, доложила служанка.

— Проси.

Горничная удалилась и спустя нѣсколько минутъ въ будуаръ раскольницы влетѣлъ молодой офицеръ, бряцая шпорами и саблей. Парменовъ былъ еще молодъ, но глядѣлъ на жизнь практически, и потому, прежде красавицы, онъ видѣлъ въ Крутогоровой богатую и независимую вдову.

— Bonjour, madame! сказалъ онъ, раскланиваясь и бросая кепи на столъ. Я получилъ ваше любезное приглашеніе на вечеръ и поспѣшилъ имъ воспользоваться.... но кажется, добавилъ онъ,— я пріѣхалъ слишкомъ рано, у васъ нѣтъ еще никого.

Адамантъ употребила хитрость: она послала Парменову приглашеніе, подъ предлогомъ вечера.

— Напротивъ, пріѣхали въ самое время: у меня никого не будетъ, кромѣ васъ!

— Кромѣ меня?

— Развѣ вы жалѣете объ этомъ? Прошу садиться.

— Помилуйте—жалѣть! Напротивъ, я очень счастливъ, но....

— Безъ но... Саша!

Въ будуаръ вошла горничная.

— Ужинъ, вино и сигаръ! Понимаешь? Мы съ вами ужинаемъ вдвоемъ, продолжала она, обращаясь къ молодому человѣку,—мнѣ скучно; прошу васъ, не стѣсняйтесь, будьте какъ дома!

Молодой человѣкъ понялъ предназначенную ему роль и потому не заставилъ повторять этой просьбы.

— За здоровье веселья и любви! воскликнула Адамантъ, наливая вино, поданное дѣвушкою, и приподымая бокалъ, для того, чтобы чокнуться съ своими собесѣдникомъ.

— За здоровье красоты! отвѣтилъ Парменовъ.

— Я васъ люблю! прошептала Адамантъ, обвивая руками шею молодаго человѣка. Я васъ люблю.... для васъ я готова на все..... я богата..... любите-ли вы меня?

Голова Парменова, подъ вліяніемъ вина и объятій, кружилась, кровь его кипѣла, онъ не помнилъ и не понималъ, что съ нимъ дѣлалось.

Съ этого дня дѣла Парменова измѣнились; онъ нанялъ, или, лучше сказать, ему наняли элегантную квартиру; изъ послѣдняго онъ сталъ первымъ во всѣхъ дружескихъ попойкахъ и ку-

тежахъ. Понятно само по себѣ, что, по заведенному порядку, Адамантъ, покупавшая его любовь золотомъ, скоро ему опротивѣла, онъ сталъ смотрѣть на нее какъ на источникъ доходовъ и въ свою очередь дѣлился получаемыми отъ нея деньгами съ хорошенькою модисткою, проводившею съ нимъ наединѣ часто цѣлые вечера, въ то время, какъ Крутогорова играла роль наставницы и іерархини раскола и хлопотала по устройству скита.

IV.

Крутогорова стояла въ своей моленной на колѣняхъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ, впереди сестеръ, поселившихся въ устроенномъ ею скитѣ. Адамантъ читала громкимъ голосомъ молитвы и передвигая гранатовыя четки, клала земные поклоны; сестры слѣдовали ея примѣру.

По окончаніи молитвы, сестры собрались въ извѣстной уже намъ комнатѣ. Адамантъ заняла свою каѳедру, и обращаясь къ подчиненнымъ, сказала:

— Сестры! Одна изъ васъ осквернила жилище наше единеніемъ съ мірянином!

— Во-истину! отвѣтили сестры.

— Подобаетъ сіе преступленіе наказати?

— Во-истину подобаетъ!

— Введите заблудшую сестру Алевтину! Двѣ дѣвушки вышли изъ комнаты и спустя нѣсколько минутъ возвратились съ сестрою Алевтиною, шестнадцати-лѣтнею, миловидною дѣвушкою съ распущенными волосами, въ черной рясѣ. Онѣ подвели ее къ креслу Адамантъ и поставили передъ нею на колѣни.

— Почто еси ты во одеждѣ печали? спросила Адамантъ.

— Ради прегрѣшенія моего! отвѣтила тихо Алевтина и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ.

— Понеже сестра Алевтина сознаетъ вину свою, провозгласила лжеіерархиня, а сознаніе наказаніе умаляетъ, то и предлагаю я ее во очищеніе ввергнути въ келію и подвергнути посту и единому воды и хлѣба вкушенію—на седмицу.

— Да будетъ такъ! отвѣтили сестры.

— Подведите сію заблудшую овцу ко мнѣ, да дамъ я ей твердость духовную.

Дѣвушки подвели Алевтину къ блюстительницѣ раскола. Адамантъ благословила ее съ подобающею важностію и сказала:

— Благословляю тя, иди на покаяніе безъ ропота!

Вслѣдъ за этими словами сестры вывели ее и разошлись по своимъ комнатамъ.

Быть можетъ, многіе изъ нашихъ читателей спросятъ насъ: „что могло заставить сестеръ скита выносить подобную жизнь?“

Съ одной стороны, всѣ они были рабынями Адамантъ, потому что бѣдныя, бездомныя сироты, вступая въ скитъ, онѣ выдавали своей лжеставницѣ векселя на значительныя суммы и такимъ образомъ становились въ полную отъ нея зависимость Въ случаѣ неповиновенія, онѣ неизбѣжно попали бы въ долговую тюрьму, и вотъ, чтобы избѣжать этой, далеко незавидной, участи, онѣ покорялись по необходимости повелѣніямъ Адамантъ; съ другой стороны, фанатизмъ и увлеченіе нѣкоторыхъ изъ нихъ доходили до того, что они видѣли въ Крутогоровой дѣйствительную наставницу и чуть-ли не почитали ее святою.

Годъ уходилъ за годомъ, а жизнь Адамантъ текла по прежнему, она такъ-же лицемѣрила и пустосвятствовала въ кругу своихъ единомышленниковъ, разыгрывая роль блюстительницы раскола

и вдовы благочестивой и точно такъ-же наединѣ въ своемъ будуарѣ, глазъ на глазъ съ какимъ нибудь юношей, въ родѣ Парменова, сбрасывала свою маску и являлась пылкою, безстыдною и развратною Венерою. Подобные типы въ темномъ мірѣ раскольниковъ далеко не рѣдкость. Большинство различныхъ нелѣпыхъ сектъ обязаны своимъ происхожденіемъ личнымъ расчетамъ ихъ основателей, расчетамъ безсмысленнымъ и преступнымъ. Получи Адамантъ правильное развитіе и прочное образованіе, она никогда бы не рѣшилась на взятую ею на себя смѣшную, жалкую и преступную роль.

Столпы правовѣрія.

I.

У раскольниковъ есть своего рода знаменитости, столпы раскола, именуемые ими правовѣріемъ. Это личности, имѣющіе между сектаторами, по тѣмъ или другимъ причинамъ громадное значеніе. Говоря вообще, ихъ можно подраздѣлить на три категоріи; къ первой изъ нихъ

принадлежатъ богачи-раскольники, которые, принимая на себя роль коноводовъ и столповъ правовѣрія, имѣютъ въ виду главнѣйшимъ образомъ нравственную власть надъ раскольничьимъ міромъ; главными двигателями ихъ являются самолюбіе и властолюбіе, желаніе сказать самому себѣ: «мы власть и силу имѣемъ». Коноводъ этой категоріи, это своего рода меценатъ, сплошь да рядомъ придерживающійся раскола только для того, чтобы не утратить пріобрѣтенное имъ значеніе; ко второй категоріи относятся личности, добивающіяся вліянія на сектаторовъ, ради личныхъ корыстолюбивыхъ расчетовъ, ради возможности подъ разными предлогами эксплуатировать темную массу въ свою пользу. Коноводы этой-то категоріи и составляютъ опору лжеіерарховъ, при помощи ихъ-то эти послѣдніе и составляютъ себѣ по большей части авторитетъ. Третью категорію коноводовъ раскола образуютъ фанатики, вѣрующіе въ непогрѣшимость своихъ убѣжденій и ведущіе зачастую строгую, дѣйствительно подвижническую, жизнь; если со столпами раскола этой категоріи нельзя согласиться относительно проповѣдуемаго ими ученія, то покрайней мѣрѣ ихъ нельзя упрекнуть и въ лицемѣріи.

Между тѣмъ какъ послѣдняя категорія помимо своего желанія пріобрѣтаетъ вліяніе на единомыслящую ей массу, двѣ первыя стремятся всевозможными путями и средствами къ достиженію этого вліянія; они, въ особенности вторая категорія, считаютъ дозволительнымъ, ради этой цѣли, все безъ исключенія. Спекуляторы на расколъ умѣютъ ловко пользоваться каждымъ случаемъ для того, чтобы распалить страсти и извлечь изъ того какой либо личный интересъ. Самые вредные изъ числа коноводовъ раскола, это коноводы спекуляторы, потому что они не останавливаются ни передъ чѣмъ, потому что у нихъ нѣтъ ничего святого, кромѣ своихъ преступныхъ барышей! Это шарлатаны и обманщики, выходящіе зачастую изъ той среды, настоящее мѣсто которой въ острогѣ и рудникахъ. Исторія раскола богата и примѣрами личностей, которыя доходили не разъ до того, что брали на себя роль не только вдохновенныхъ пророковъ, но и самого Іисуса Христа, и подъ этою личиною обирали довѣрявшихся имъ поклонниковъ; фактъ, конечно, грустный, но еще разъ доказывающій, что расколъ возможенъ только

при отсутствіи образованія и что зародышъ его смерти лежитъ въ цивилизаціи темной массы.

Въ домѣ мѣстнаго богача, раскольника Сысоева, остановился, или лучше сказать, укрывался отъ зоркихъ глазъ полиціи раскольничій австрійскій архіерей Іосафатъ, а въ сущности бѣглый попъ растрига. Давъ пристанище въ своемъ домѣ Іосафату, Сысоевъ думалъ о томъ преимущественно, чтобы выставить себя передъ своими собратіями покровителемъ дѣлу раскола и человѣкомъ добродѣтельнымъ.

Чтобы рельефнѣе выставить свою добродѣтель, Сысоевъ оповѣстилъ своихъ единомышленниковъ о томъ, что у него тогда-то и тогда будетъ бесѣда о дѣлахъ религіи съ отцомъ Іосафатомъ. Раскольники не заставили повторять приглашенія и въ назначенный день собрались въ домъ своего коновода. Къ несчастію, бесѣда не состоялась, потому что Іосафатъ черезъ чуръ уже усладился за сытнымъ обѣдомъ своего покровителя спиртуозною влагою и подъ ея вліяніемъ ежеминутно порывался разсказать свои похожденія.

— Ты что тутъ ни толкуй, приставалъ онъ къ одному раскольнику,—а весь этотъ расколъ,

скажу я тебѣ, хотя я и архіерей вашъ, выходитъ просто глупость... А если я служу вамъ... такъ ужь значитъ потому, что опричь этого мнѣ ничего дѣлать не остается.

Этого рода объясненіе вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, ропотъ между раскольниками, но въ числѣ гостей нашелся мудрецъ, который ухитрился дать словамъ пьянаго Іосафата иносказательный смыслъ.

— Вы, братья, въ смыслъ-то вникните, говорилъ онъ,—оно такъ и выходитъ, что вѣра наша значитъ безъ дѣлъ ничто; ну, а добродѣтели мало стало теперь, значитъ и всѣ наши бесѣды спасенія намъ не уготоваютъ, если мы только говорить да суесловствовать будемъ.

Вся братія согласилась съ объясненіемъ мудреца и Іосафатъ получилъ въ ихъ глазахъ новое значеніе чего-то въ родѣ пророка.

Раскольники мало по малу раздѣлились на кружки, въ которыхъ шелъ самый разнообразный споръ о дѣлахъ религіи; они выходили изъ себя, горячились, спорили, доказывали другъ другу; молчалъ только одинъ Іосафатъ, давнымъ давно уже дремавшій въ мягкомъ креслѣ въ углу комнаты и быть можетъ въ это

время оживленныхъ диспутовъ витавшій совершенно въ иной сферѣ.

Наступилъ наконецъ и часъ ужина.

— Братія, сказалъ Сысоевъ, занимая мѣсто за столомъ,—братія, сотворимъ благо. Разрѣшите мнѣ слово, отецъ святой, добавилъ онъ, обращаясь къ Іосафату.

— Богъ да благословитъ тя! отвѣчалъ лжеіерархъ.

— Есть, братія, у насъ въ далекихъ странахъ единовѣрцы, скитовъ не имѣющіе, а по дебрямъ и лѣсамъ скитающіеся; вложилъ мнѣ Богъ въ душу сотворити имъ дѣяніе благое, пожертвовавъ на дѣло сооруженія симъ сподвижникамъ скитовъ. По силѣ моей, даю я на сіе дѣло отцу Іосафату 5,000 рублевъ; пріобщите братія къ общимъ пожертваніямъ вы лепту сію.

Пожертвованіе Сысоева произвело желанный эфектъ; раскольники удалились, въ полной увѣренности, что Сысоевъ человѣкъ посвятившій себя на служеніе дѣлу раскола и что это столпъ ихъ религіи.

Между тѣмъ, оставшись наединѣ, Сысоевъ досталъ изъ конторки пачку векселей и сталъ ихъ перебирать съ напряженнымъ вниманіемъ; от-

ложивъ два изъ нихъ въ сторону, онъ задумался и сказалъ про себя:

— Двѣ и три тысячи—вотъ ровно и пять, значитъ и наверстаю. Люди значитъ такіе, что сами заплатить не въ силахъ, ну, а имущества хватитъ на уплату.... а что по міру пойдутъ, мнѣ не укоръ, потому значитъ не наши.... а табачники... Да вотъ еще что: накину я на товаръ по пяти на рубль, потому теперь я силу имѣю, противу меня никто говорить не можетъ—да... вотъ пять тысячъ-то и вернутся съ барышомъ. Такъ разсуждалъ человѣкъ, выставлявшій себя передъ раскольниками идеаломъ добродѣтели и столпомъ вѣры. Подобные примѣры лицемѣрія въ мірѣ раскольниковъ не рѣдкость, потому что по недостатку своего образованія они признаютъ справедливость поговорки: не обмануть—не продать.

II.

Отецъ Іосафатъ когда-то былъ православнымъ священникомъ. Природа дала ему свѣтлый умъ и даръ слова, но обстоятельства жизни и слабость характера толкнули его на грустный путь порока. Свѣтлый умъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ,

подъ вліяніемъ спиртуозныхъ напитковъ и неприличныхъ оргій, заставившихъ наконецъ духовныя власти лишить его священническаго сана и сослать на покаяніе. Въ эту-то минуту судьба столкнула Іосафата съ однимъ изъ спекуляторовъ на расколъ, бывшимъ когда-то православнымъ дьячкомъ; за косушкою водки друзья порѣшили уѣхать въ Австрію. Предполагаемый побѣгъ Іосафата состоялся; явившись въ Австрію, благодаря своей смѣтливости и хитрости, Іосафатъ очень скоро изъ бѣглаго попа-разстриги превратился въ лже-архіерея и сдѣлался посреди раскольниковъ всемогущимъ авторитетомъ. Съ этого времени ежегодно Іосафатъ началъ предпринимать поѣздки за сборомъ пожертвованій. Краснорѣчивыми словами онъ умѣлъ затронуть самолюбіе и фанатизмъ сектаторовъ и побудить ихъ къ жертвованію на скиты значительныхъ суммъ. По возвращеніи въ Австрію, онъ собиралъ свою паству, и жалуясь на холодность къ дѣламъ вѣры своихъ русскихъ собратій, объявлялъ имъ о сборѣ самой незначительной суммы. Благодаря этого рода продѣлкамъ, состояніе Іосафата расло съ каждымъ годомъ. Жизнь, которую тайкомъ велъ

раскольничій архіерей, отличалась своею распущенностію. Въ городѣ у него была одна нѣмка, у которой онъ и проводилъ цѣлые вечера за виномъ и распѣвая нескромныя пѣсни. Такова-то была личность, передъ которою благоговѣлъ міръ раскольниковъ.

Коноводъ сектаторовъ.

I.

Между раскольниками одной изъ сибирскихъ губерній пронеслась молва, что въ дремучемъ лѣсу неподалеку отъ города поселился единомышляющій съ ними сподвижникъ, надѣленный свыше даромъ пророчества и чудотворенія. Много про него разсказывали чудеснаго, говорили, что будто-бы ангелы божіи приносили ему пищу и питіе, что звѣри и птицы лѣсныя служатъ ему и повинуются его голосу. Стоустая молва, варьируя и преувеличивая эти разсказы на тысячу ладовъ, разнесла вѣсть объ отшельникѣ по всей Сибири. Фанатики встрепенулись и потянулись цѣлыми партіями отыскивать скитъ отшельника. Падая передъ нимъ на колѣна, они

умоляли его переселиться въ ихъ общество; но получивъ отказъ, только еще болѣе разжигавшій ихъ фанатизмъ, они начали строить около скита избы и переселяться въ нихъ. Такимъ-то образомъ скоро въ дремучемъ лѣсу образовалось цѣлое поселеніе раскольниковъ новаго и вообще до сихъ поръ еще почти неизвѣстнаго толка очищенцовъ толка, созданнаго отшельникомъ Авраамомъ.

Въ глубинѣ лѣса, отдѣльно отъ поселенія, стояла большая изба—это моленная. Авраамъ понималъ очень хорошо то, что его фанатически-безсмысленное ученіе не должно быть доступно для постороннихъ, и потому служеніе въ избѣ совершалось въ глубокую полночь.

Когда все кругомъ лѣса погружалось въ мертвый сонъ, въ раскольничьемъ поселеніи пробуждалась жизнь, очищенцы выходили изъ своихъ избъ и тянулись по направленію къ моленной, въ которой отецъ Авраамъ стоялъ уже на возвышеніи, въ черной рясѣ, въ родѣ монашеской. Входя сюда, очищенцы, мужчины и женщины, сбрасывали съ себя верхнюю одежду и оставались въ однѣхъ рубахахъ, съ босыми ногами.

— Да приблизится избранная моя! провозгласилъ отецъ Авраамъ, когда все общество заняло свои обычныя мѣста.

Въ отвѣтъ на это, на возвышеніе взошла и стала на колѣни передъ Авраамомъ молодая дѣвушка.

— Облобызай нози мои! произнесъ онъ снова.

Дѣвушка поцѣловала ноги Авраама.

— Творите, како я творю, братіе!

При этихъ словахъ лжеучителя раскольники стали попарно, т. е. подлѣ каждаго мужчины стала дѣвушка, и послѣднія, по примѣру избранницы Авраама, облобызали ноги мужчинъ.

— Да будетъ плодородіе ваше, яко плодородіе маслины! провозгласилъ Авраамъ, осѣняя предстоящихъ бывшею у него въ рукахъ восковою свѣчею. Чисты-ли и непорочны ли вы еси?

— Осквернены отъ рожденія! послѣдовалъ общій отвѣтъ.

— Имѣте-ли твердость истязаніемъ плоти очиститися?

— Имѣемъ! отвѣтили всѣ, падая на колѣни.

— Очиститесь-же. И да будутъ тѣлеса ваши и души, яко голубицы чисты.

Вслѣдъ за этими словами каждый изъ очищенцовъ взялъ пукъ розогъ и началъ бить имъ по плечамъ и спинѣ своихъ сестеръ. Это бичеваніе продолжалось довольно долго, кровь струилась по обнаженному тѣлу добровольныхъ мученицъ, увѣренныхъ, по своему невѣжеству, что они творятъ богоугодное дѣло.

— Очищены ли вы еси, сестры мои? вопросилъ наконецъ Авраамъ, не принимавшій съ своею избранницею участія въ истязаніи.

— Очищены, чисты, яко снѣгъ, яко голубицы, отвѣтили женщины.

— Очищены-ли вы? Обратился онъ къ мужчинамъ.

— Неочищены! отвѣтили они хоромъ.

— Очиститесь!

И основа началось истязаніе, съ тѣмъ только отличіемъ, что истязуемыми на этотъ разъ была уже мужская братія.

— Понеже вы очищены, благословляю васъ, изыдите, произнесъ Авраамъ, сходя съ возвышенія и удаляясь изъ моленной. Слѣдомъ за нимъ потянулись попарно и очищенцы.

Странно и грустно становится, когда подумаешь, до какихъ безумныхъ, фанатическихъ вѣро-

ваній можетъ дойти человѣкъ, къ какому чудовищному смѣшенію разврата и религіозности можетъ привести его фанатизмъ. Невольно тяжело становится на сердцѣ, когда вспомнимъ о томъ, какъ легко онъ дѣлается игрушкою какого нибудь полоумнаго фанатика или, что еще хуже, пройдохи-спекулятора, въ родѣ отшельника Авраама.

II.

Отецъ Авраамъ, благодаря приношеніямъ своихъ послѣдователей, жилъ не нуждаясь ни въ чемъ. Обширная изба его по своему внутреннему устройству мало чѣмъ отличалась отъ городскихъ жилищъ.

Онъ жилъ не одинъ, а со своею избранницею, какою-то бѣглою солдатскою женою Аленою, которую всѣ очищенцы величали матушкою Аленою Ивановною.

— Ну-ка, Алена, давай сюда водки да ветчины! сказалъ Авраамъ, возвратившись изъ моленной, выпьемъ да и на боковую.

Алена поставила на столъ бутыль водки, два стакана и ветчину съ хлѣбомъ. Выпивъ и повеселѣвъ, Авраамъ улыбнулся.

— А что, Алена, вѣдь дураки право всѣ эти, бьютъ-же сами себя, какъ олухи какіе— вотъ народецъ.

— Еще-бы, стала бы я тебѣ бить себя позволять!

— Ха, ха... я имъ тамъ нагорожу всякой чепухи, а они и рады, отцомъ меня величаютъ, всего намъ нанесутъ; вонъ ужь и деньжонокъ понакопилось; еще-бы собрать немного, уѣхалъ-бы я съ тобою отсюда, въ купцы приписался, торговлю завелъ и зажилъ-бы на славу.

— А здѣсь-то чего не жить, чего намъ не достаетъ? Работа нетрудная, только и есть, что посмотрѣть, какъ эти дурни себя уродуютъ; иной разъ какъ взглянешь, какъ они хлещутся, такъ просто смѣхъ пробираетъ. Отъ хорошаго лучшаго не ищутъ!

— Оно такъ-то такъ, пока полиція не провѣдала—жить можно; ну, а какъ начальство про все узнаетъ, что здѣсь творится, такъ по головкѣ-то не погладитъ, угодишь и туда, куда воронъ костей своихъ не заноситъ.

— Узнаетъ... такъ тебѣ и узнало. Что оно, начальство-то, по лѣсу рыскать, что-ли, будетъ! Нужда ему до насъ!

*

— Ну, ты этого не говори; не ровенъ часъ, дойдетъ до губернатора, что молъ тамъ-то и тамъ въ лѣсу отецъ Авраамъ поселился, ну, и предпишетъ кому слѣдуетъ: разузнать молъ всю подноготную; нагрянетъ полиція, тогда и расплачивайся за все какъ знаешь. Кто ты, откуда? все дознаются.

— Такъ-то такъ... отвѣтила Алена, убѣдившаяся наконецъ въ томъ, что ихъ положеніе обезпечно далеко не вполнѣ.

III.

Кто-же былъ отецъ Авраамъ? Откуда пришелъ онъ въ лѣсъ?

Нѣсколько лѣтъ до того времени, какъ онъ сталъ извѣстнымъ въ Сибири, на другомъ краю Россіи, въ домѣ московской раскольницы Сушковой жилъ дворникъ Семенъ. Вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ онъ имѣлъ власть въ домѣ и пользовался до того расположеніемъ хозяйки, что просиживалъ съ, нею запершись на единѣ, по цѣлымъ часамъ. Семенъ былъ раскольникъ; жизнь его была самая беззаботная, самая веселая, тѣмъ болѣе, что, благодаря расположенію своей богатой хозяйки, онъ могъ кутить подъ часъ не хуже любого богача.

Разъ какъ-то Сушкову посѣтилъ раскольничій попъ изъ Сибири. Не заставъ хозяйки дома и зная по слухамъ значеніе дворника, онъ завелъ съ нимъ бесѣду о своей жизни въ Сибири; за графиномъ водки въ ближайшемъ трактирѣ они сошлись на дружескую ногу и порѣшили устроить дѣльце. Результатомъ этого рѣшенія было то, что попъ не пошелъ уже болѣе къ Сушковой.

Между тѣмъ, спустя два дня, послѣ продолжительной бесѣды наединѣ съ хозяйкою, Семенъ исчезъ изъ дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ комода Сушковой исчезла и шкатулка съ сорока тысячами рублей. Сомнѣваться, что похитителемъ былъ Семенъ, было невозможно, но всѣ розыски полиціи, не смотря на то, не привели ни къ чему; онъ исчезъ какъ камень въ воду.

Между тѣмъ какъ полиція старалась открыть мѣсто пребыванія дворника Сушковой, онъ былъ уже далеко отъ Москвы, на рубежѣ между Европою и Азіею, подъ именемъ Авраама Перлова, красноярскаго мѣщанина. Благодаря паспорту, который промыслилъ для него попъ, онъ ѣхалъ не опасаясь преслѣдованій полиціи. Согласно составленному имъ плану, раздѣливъ съ послѣд-

нимъ деньги, выкраденныя у хозяйки, онъ поселился въ извѣстномъ уже намъ лѣсу, а попъ поѣхалъ далѣе, разглашая вездѣ вѣсть о чудномъ отшельникѣ.

IV.

Годъ проходилъ за годомъ, громче и громче становилась слава отца Авраама, а вмѣстѣ съ тѣмъ слухи о новомъ обществѣ раскольниковъ заставили и полицію обратить на него свое вниманіе. Между тѣмъ, въ поселеніи очищенцовъ совершилось неожиданное событіе: отецъ Авраамъ и Алена въ одно прекрасное утро исчезли изъ своей избы. Куда они скрылись, это осталось тайною для всѣхъ ихъ послѣдователей; многіе изъ нихъ распустили даже слухъ, что отецъ Авраамъ съ своею избранницею были взяты живые на небо. Оставшись безъ коновода, общество очищенцовъ покинуло свои избы и разсѣялось по Сибири, предварительно позаботившись поджечь свое поселеніе, такъ что когда полиція принялась за розыски, то она не нашла уже ничего, кромѣ слѣдовъ пожара.

Одновременно съ этимъ событіемъ, въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ посе-

лился богатый сибирскій купецъ Авраамъ Ивановичъ Перловъ, въ которомъ читатели конечно безъ труда узнаютъ бывшаго коновода очищенцовъ. Купивъ здѣсь домъ, онъ скоро явился на аренѣ хлѣбной торговли и фабричной промышленности. Спустя не болѣе двухъ лѣтъ, имя Перлова стало извѣстно не только каждому въ городѣ, но даже и во всѣхъ промышленныхъ губерніяхъ; капиталы его расли съ каждымъ годомъ и медаль за пожертвованія украшала грудь Авраама Ивановича Перлова, почетнаго гражданина и градскаго головы города N. Дальнѣйшій разсказъ о жизни этого героя мы считаемъ излишнимъ, потому что онъ умеръ для раскола и переселился въ N. уже подъ именемъ православнаго.

Меценатъ раскольникъ.

I.

Фамилія Селиверстровыхъ издавна принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя въ лѣтописяхъ раскола занимаютъ самое почетное мѣсто. Благодаря постепенно все болѣе и болѣе увеличиваю-

шемуся богатству, Селиверстровы успѣли пріобрѣсть громадную власть не только надъ сектаторами одного съ ними толка, но и вообще надъ раскольниками. Между тѣмъ какъ весьма многіе изъ соперничествовавшихъ когда-то съ ними фамилій сошли уже со сцены, и подъ вліяніемъ коснувшагося и ихъ духа прогресса, сознали всю нелѣпость раскола и перешли на лоно господствующей церкви, эти послѣдніе изъ могиканъ остались по прежнему тѣми-же всемогущими властями раскольничьяго міра, какими были и до того времени. Въ рукахъ настоящаго представителя этой фамиліи сосредоточились путемъ наслѣдства не только капиталы его отца, но и нѣсколькихъ родственныхъ съ нею, пресѣкшихся фамилій.

Дѣтство Козьмы Селиверстрова мало чѣмъ отличалось отъ дѣтства большей части дѣтей необразованнаго купечества. Онъ росъ, какъ и большинство подобныхъ ему людей, подъ вліяніемъ деспотическаго самодурства отца; все его образованіе ограничилось письмомъ и грамотою. Въ семнадцать лѣтъ Козьма сталъ обладателемъ чуть-ли не пятнадцати или шестнадцати милліоновъ рублей, оставленныхъ ему со-

шедшимъ въ могилу отцомъ. Само собою понятно, что у молодаго милліонера скоро появились друзья, готовые поучать и поучиться сами на его счетъ житейской мудрости. Показавшись въ свѣтѣ, смѣтливый отъ природы Селиверстровъ понялъ, что ему недостаетъ образованія, что учиться уже поздно, а слѣдовательно и то, что ему гораздо выгоднѣе играть роль коновода раскола, на которую онъ имѣлъ полное и неотъемлемое право, чѣмъ стать на сторону господствующей церкви и образованія, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ неизбѣжно остался бы въ послѣднихъ рядахъ.—„Захочу, думалъ онъ, такъ и православные мнѣ поклонятся; съ милліонами все возможно.“

Конечно, аскетизмъ и цѣломудріе безпоповцевъ были не по плечу Козьмѣ,—но онъ такъ искусно съумѣлъ замаскировать и выставить себя передъ своими единомышленниками, что они записали его чуть-ли не въ цехъ отшельниковъ отъ міра сего. Въ душѣ Селиверстровъ сознавалъ всю нелѣпость раскола и смѣялся надъ нимъ, хотя, вѣрный принятой роли, онъ и оставался однимъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ его. Оставаясь согласно ученію своего толка

холостымъ, онъ въ то же самое время содержалъ разомъ двухъ француженокъ, щеголявшихъ своими рысаками и роскошью туалета. Однажды случай столкнулъ Козьму съ однимъ очень образованнымъ человѣкомъ, Корельскимъ. Иванъ Павловичъ Корельскій получилъ образованіе въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, и по окончаніи курса, какъ человѣкъ съ обезпеченными средствами къ жизни, посвятилъ себя дальнѣйшему изученію наукъ; отчасти занимаясь и литературою, онъ помѣщалъ свои труды въ одномъ изъ нашихъ передовыхъ журналовъ.

Иванъ Павловичъ былъ вообще охотникъ до богословскихъ диспутовъ, и потому, встрѣтившись на одной купеческой свадьбѣ съ Козьмою и надѣясь найти въ немъ защитника раскола, онъ завязалъ съ нимъ разговоръ о бракѣ.

— Воля ваша, сказалъ онъ,—а возставать противъ брака, значитъ возставать противъ законовъ природы.

— Въ этомъ нѣтъ никакаго сомнѣнія! отвѣтилъ къ изумленію Корельскаго Селиверстровъ, понявшій, что сбросивъ съ себя личину раскольника онъ много выиграетъ въ глазахъ Ивана Павловича.

— Но.... но вѣдь вашъ же толкъ отвергаетъ бракъ, возразилъ въ невольномъ недоумѣніи послѣдній.

— Да!... да мало ли что онъ отвергаетъ; все это зависитъ отъ необразованности. Что касается до меня, такъ, сказать по правдѣ, я конечно по имени раскольникъ, но въ душѣ я раскольникъ на столько же, на сколько и вы. Если я не перехожу въ православіе, то только потому, что вмѣстѣ съ тѣмъ я бы потерялъ вліяніе на нашихъ и лишился возможности содѣйствовать ихъ образованію. Я давно уже думаю объ открытіи школы и изданіи народныхъ книгъ.

— И прекрасное дѣло. Я вижу—вы раскольникъ, какихъ немного.

— Благодарю васъ. Я былъ бы очень радъ познакомиться съ вами поближе. Пріѣзжайте ко мнѣ, мы потолкуемъ о томъ, о семъ, и быть можетъ общими силами сдѣлаемъ что нибудь полезное.

Корельскій и Селиверстровъ разстались друзьями.—«Это замѣчательный человѣкъ, думалъ Иванъ Павловичъ,—онъ можетъ быть подъ моимъ руководствомъ очень полезнымъ дѣятелемъ». —«Чортъ возьми, думалъ въ свою очередь Козь-

ма,—брошу нѣсколько тысячъ, прослыву меценатомъ, и всѣ образованные люди будутъ поклоняться мнѣ; а тамъ добьюсь и славы, и орденовъ».

II.

Со дня знакомства Корельскаго и Селиверстрова прошло около пяти лѣтъ. Въ это время онъ успѣлъ уже сдѣлаться членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, украситься медалью и прославиться, какъ меценатъ, на поприщѣ издательской дѣятельности.

Козьма Ивановичъ встаетъ рано. Въ бархатномъ щегольскомъ халатѣ онъ сидитъ за чаемъ, передъ нимъ стоитъ его главный прикащикъ.

— Ну, что, Панфилычъ? спрашиваетъ онъ.

— Въ амбарѣ-съ, вчера Андрей Андреичъ обмишурился, пятидесятку фальшивую взялъ. Я значитъ хотѣлъ на счетъ поставить ему, такъ убивается, плачетъ. Семья, говоритъ, самъ подумай: пятнадцать рублей въ мѣсяцъ получаю, съ голоду умирать придется; всѣми святыми молитъ—простить. Какъ прикажете? Онъ, одно сказать, человѣкъ трудолюбивый и жалованье маленькое получаетъ, а за всѣхъ справляется одинъ подъ часъ.

— Гм!.... на счетъ, конечно на счетъ поставить! Пятьдесятъ рублей не копѣйка, на улицѣ не подымешь! Ну, а еще что?

— Соколовъ по векселю въ триста рублей не платитъ, только значитъ я и самъ знаю, что не въ силахъ, дѣла плохи стали, бывало по пяти тысячъ платилъ. Подать ко взысканью, значитъ совсѣмъ ужь разорить его, да и семья большая.... мать, сестры, женился недавно! Не прикажете-ли отсрочку дать?

— Что! Отсрочку! Какія тутъ отсрочки? Что мнѣ за дѣло, что женился; нѣтъ средствъ, не женись... Да что тутъ толковать—подать ко взысканію, а не заплатитъ, такъ посадить въ долговое! Ну, а что на фабрикѣ?

— Работаютъ-съ!

— Нельзя ли съ рабочихъ побольше штрафовъ брать?

— Да они и то ужь такую плату получаютъ, что еле-еле прокормиться хватитъ.

— Ну, это ихъ дѣло, дешево—не берись. А все же если кто полчаса опоздалъ, писать полтинникъ штрафу.

— Да они, Козьма Иванычъ, и въ день-то всего по 40 копѣекъ получаютъ.

— Да что мнѣ до того, что они получаютъ по сорока? Говорю тебѣ, писать штрафныя, такъ и объявить имъ, а не хотятъ, пусть идутъ куда знаютъ! Были-бы деньги, а народу найдется.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ Панфилычъ, знавшій по опыту, что возражать было-бы безполезно.

— Ну, теперь можешь идти. Панфилычъ поклонился и вышелъ.

Мѣсто его заступила ключница-раскольница.

— Батюшка, Козьма-Иванычъ! сказала она, входя въ кабинетъ и крестясь большимъ крестомъ.

— Что, Емельяновна?

— Осмѣлюсь доложить вашей милости, странница пришла, да еще на бѣдность вдова проситъ.

— Гм. Позови сюда!

Ключница удалилась и возвратилась въ сопровожденіи странницы и молодой, бѣдно, но прилично одѣтой женщины. Селиверстровъ окинулъ взорами послѣднюю и обратился къ странницѣ.

— Здравствуйте, матушка Маремьяновна! Откелева?

— Изъ скитовъ, милостивецъ, изъ скитовъ, у святыхъ отцовъ была, самого Іосафата видѣла, просфирку тебѣ, милостивецъ, прислалъ; а теперь иду на Керженецъ: не будетъ ли твоей милости что подвижникамъ послать?

Козьма Иванычъ отперъ столъ и подалъ странницѣ двадцати-пяти рублевую бумажку.

— Богъ да благословитъ васъ, матушка! На подвигъ значитъ идете, помолитесь за меня многогрѣшнаго!

— Спасибо тебѣ, милостивецъ; Богъ да благословитъ тебя! сказала странница, выходя изъ кабинета и уступая мѣсто новой посѣтительницѣ. Селиверстровъ молча взглянулъ на стоявшую въ кабинетѣ молодую красивую просительницу и подумалъ: «хороша... гм... если она согласится, можно было бы ей дать средства.»

— Козьма Иванычъ, начала она тихо,—извините меня, что я рѣшилась васъ безпокоить, но отъ васъ зависитъ участь моего мужа...

— Вы за мужемъ?

— Да... мой мужъ Соколовъ, онъ долженъ вамъ и не въ силахъ заплатить... для васъ триста рублей ничто.

— А, знаю.... гм..... но... впрочемъ, есть

средство помочь вашему горю и даже дать возможность жить вамъ богато...—Я бы благословляла... васъ за это всю жизнь —Это зависитъ отъ васъ!—Отъ меня?—Да... догадайтесь!—Я васъ не понимаю.—Вы молоды... хороши собою, слѣдовательно можете нравиться... вамъ стоитъ захотѣть и вы будете богаты. —Боже! Боже... нѣтъ, нѣтъ... умоляю васъ, воскликнула она, падая на колѣни,—сжальтесь! —Пріѣзжайте вечеромъ ко мнѣ на дачу и вы будете имѣть все... иначе мужъ вашъ будетъ въ долговомъ.

Соколова рыдала въ отчаяніи...—Хорошо! сказала она нетвердымъ голосомъ, я пріѣду! —И получите въ подарокъ втрое болѣе, чѣмъ стоитъ вексель вашего мужа.

Несчастная женщина вышла нетвердою поступью изъ кабинета богача. Она приносила себя въ жертву своему мужу, изъ страха бѣдности она бросалась въ объятія развратника.

Между тѣмъ какъ Селиверстровъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, пробило десять часовъ; щегольски одѣтый лакей доложилъ о пріѣздѣ раскольничьяго попа, отца Емпедокла.

Одѣвшись и выставивъ медаль, Козьма Ивановичъ вышелъ въ залъ.

— Здравствуйте, отецъ Емпедоклъ, садитесь, милости просимъ! сказалъ онъ, подходя подъ благословеніе.

Отецъ Емпедоклъ, сѣдой старикъ, усѣлся въ кресло и началъ почти шопотомъ:

— Великій соблазнъ совершился въ нашей церкви; пріѣхалъ вашего совѣта просить, потому значитъ, что вы во-истину столпъ нашъ.

— Что такое, отецъ Емпедоклъ?

— Соблазнъ, великій соблазнъ!

— Гм...

— Осквернѣніе въ нѣдрахъ церкви совершилося!

— Господи помилуй!... и Селиверстровъ перекрестился.

— Нашъ-то діаконъ, Василій Петокма, не только что званіемъ своимъ пренебрегъ и отъ служенія церкви отказался, но еще и на мірянкѣ женился, къ соблазну всѣхъ православныхъ.

— Во-истину, отецъ Емпедоклъ, осквернѣніе.... отъ церкви его отлучить подобаетъ, доколѣ жену свою не оставитъ.

— И я такъ мыслилъ!

— И анаѳемѣ предать.... не подобаетъ бо преступленію закона потворствовать.

— Во-истину тако!

Кто бы повѣрилъ, что этотъ судъ произносилъ тотъ-же самый Козьма Селиверстровъ, который за часъ тому назадъ игралъ роль Ловеласа передъ женою своего должника! Кто бы подумалъ, что этотъ противникъ брака и защитникъ фанатическаго толка раскола, проповѣдывавшаго всеобщее цѣломудріе, содержалъ двухъ элегантныхъ француженокъ?

Оставляя бесѣдовать Козьму Иваныча съ отцомъ Емпедокломъ, мы перенесемся въ бельэтажъ дома, помѣщавшагося на одной изъ самыхъ модныхъ улицъ Москвы.

III.

Было два часа. Передъ большимъ трюмо, въ роскошно меблированной гостиной, стояла богато одѣтая женщина; ей было на видъ около двадцати лѣтъ; по ея типу было нетрудно догадаться, что она была кровная парижанка.

Люси (у нея не было другаго прозвища, какъ у многихъ изъ дамъ полусвѣта) была красавица; но вглядываясь внимательнѣе въ ея лицо, можно было легко замѣтить, что ея румянецъ поддѣльный, что она уже много жила и много

испытала. Въ самомъ дѣлѣ, покинувъ родную Францію, гдѣ она была одною изъ постоянныхъ посѣтительницъ Мабиля, и переселившись въ Россію въ качествѣ цѣвицы, она скоро попала на содержаніе къ одному кутилѣ, который, промотавши отцовское наслѣдство, умеръ скоропостижно, гдѣ-то въ трактирѣ. Оставшись вдовою, ловкая Люцилія приволокнулась въ маскарадѣ за Селиверстровымъ и спустя нѣсколько времени стала его содержанкою. Козьма Иванычъ, утягивавшій послѣдній грошъ у своихъ рабочихъ на фабрикѣ, уважая въ Люси француженку, дозволялъ ей самыя безумныя издержки.

Между тѣмъ какъ она отъ нечего дѣлать поправляла передъ трюмо волосы, раздался звонокъ и въ гостиную вошелъ Селиверстровъ.

— Здравствуй, Люсиль! ты не ждала меня такъ рано? Я у тебя сегодня завтракаю! сказалъ онъ, бросая со свѣтскимъ шикомъ шляпу на кресло и обнимая француженку.

— Bravo! воскликнула Люцилія, мой велѣтъ приготовить шампанскій!

— Какъ водится!

Послѣ веселаго завтрака и довольно обильныхъ возліяній, Люси усѣлась за фортепіано и пропѣла очень нескромную пѣсенку.

— Ну, мамочка, говорилъ суровый раскольникъ,—протанцуй канканъ. Чортъ тебя знаетъ, ты такъ его дьявольски хорошо танцуешь, что у меня всегда кровь кипятится!

Въ отвѣтъ на эту просьбу, Люси граціозно приподняла юбку и съ парижскимъ шикомъ проплясала канканъ.

Селиверстровъ пріѣхалъ отъ Люси на дачу довольный собою и сталъ дожидаться посѣщенія Соколовой. Результатомъ этого свиданія было то, что спустя нѣсколько недѣль она разъѣхалась съ мужемъ и переселилась на роскошную квартиру, однимъ словомъ, что число содержанокъ Козьмы Ивановича увеличилось еще одною.

IV.

Въ квартирѣ редактора журнала «Свѣтъ» собрались по обыкновенію сотрудники и близкіе знакомые хозяина, человѣка еще довольно молодаго. Въ числѣ ихъ были, между прочими, Корельскій и Селиверстровъ, отправившійся сюда тотчасъ-же послѣ rendez-vous съ Соколовой.

— Вотъ бы, говорилъ одинъ изъ гостей,

извѣстный въ своемъ кругу подъ именемъ кузнеца,—вотъ-бы сочиненія покойнаго NN (онъ назвалъ имя одного извѣстнаго литератора) собрать да и издать ихъ, это была бы услуга русской литературѣ. Да, чортъ возьми, на ерунду какую нибудь легко издателя найти, а на дѣльную вещь—съ огнемъ не отыщешь.

— А Козьма-то намъ на что? замѣтилъ редакторъ.

— Козьма?... да что вы мнѣ объ немъ толкуете: ему бы вотъ что нибудь эдакъ по части раскола—ну, онъ пожалуй издастъ! отвѣтилъ кузнецъ, отличавшійся постоянно рѣзкостію своихъ словъ.

— Ну, чтоже ты, Козьма Ивановичъ, не защищаешься? возразилъ редакторъ, обращаясь къ Селиверстрову.

— Да что тутъ много толковать? Я всегда радъ помочь полезному: составьте смѣту, да и пріѣзжайте завтра за деньгами.

— Ай-да Козьма! воскликнулъ кузнецъ. Спасибо, дружище. Дай тебя поцѣловать, вижу, что до сихъ поръ я тебя не понималъ! И онъ заключилъ его въ свои объятія.

«То-то, думалъ Селиверстровъ,—прославятъ

меня, а мнѣ что—куда ни шло, брошу нѣсколько тысячъ, зато на всю Русь прокричатъ; а какъ знать, можетъ и барышъ еще выручится, а главное—славы добьюсь. Вѣдь вотъ, поди ты, думалъ-ли я когда обо всемъ этомъ, а теперь и ученые меня съ почетомъ встрѣчаютъ и всѣ раскольники уважаютъ!»

Редакторъ былъ человѣкъ гостепріимный и потому ужинъ, какъ говорится, былъ на славу. Бокалъ вина смѣнялся бокаломъ, шумнѣе и шумнѣе становился ужинъ; литература была забыта, говорили о полусвѣтѣ, о его новыхъ звѣздахъ.

— A propos, замѣтилъ Павловскій, элегантный молодой докторъ,—у насъ новость—Мушка.

— Мушка? это что такое? замѣтилъ редакторъ.

— Парижская лоретка, красавица собою, живетъ какъ графиня, только за-то любитъ и деньги: безъ пятисотъ рублей къ ней не стоитъ и ѣхать.

— А надо у ней побывать! замѣтилъ Селиверстровъ,—вотъ если-бы намъ вмѣстѣ всѣмъ собраться какъ нибудь!

— За чѣмъ же дѣло! поѣдемте сегодня, еще не поздно!

— Поѣдемте!

— Поѣдемте! отвѣтило нѣсколько голосовъ, и всѣ собесѣдники, за исключеніемъ только кузнеца, спустя полчаса отправились къ гремѣвшей въ то время въ Москвѣ звѣздѣ полусвѣта.

Такъ окончился день, взятый нами изъ жизни Козьмы Селиверстрова, день повторяющійся для него съ небольшими варіаціями ежедневно. Таковъ-то Козьма Иванычъ, знаменитый столпъ раскола и въ то же время меценатъ просвѣщенія.

Вдали отъ суеты мірской.

I.

Въ лѣтописяхъ раскола сохранилось много именъ, которыя, подобно имени Денисова, займутъ въ нашей исторіи, не смотря на свою скромную долю, самое почетное мѣсто. Между нашими раскольниками есть много людей, жизнь которыхъ представляетъ, не смотря на ихъ религіозныя заблужденія, самую отрадную карти-

ну. Въ настоящемъ очеркѣ мы познакомимъ читателей съ однимъ изъ подобныхъ расколь-никовъ.

—

Неподалеку отъ Москвы, на большой дорогѣ, стояла ткацкая фабрика, принадлежащая Павлу Васильевичу Зверянинову.

Зверяниновъ, воспитанный въ правилахъ раскола, не смотря на то не былъ врагомъ прогресса. Благодаря свѣтлому, правильному взгляду на дѣло, онъ понялъ, что заграничная промышленность своими успѣхами обязана наукамъ. Сознавая это-то, онъ, прежде чѣмъ открылъ фабрику, предпринялъ путешествіе по Европѣ. Посѣтивъ лучшія англійскія и французскія мануфактуры, ознакомившись съ новѣйшими усовершенствованіями, хотя и не видавъ ни Мабиля, ни Шато де Флеръ, онъ возвратился въ Россію уже съ запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ ему для постройки фабрики. И точно, скоро на новой мануфактурѣ Зверянинова закипѣла работа. Человѣкъ въ душѣ, онъ не прижималъ рабочихъ, не обсчитывалъ ихъ, а давалъ гораздо большую противъ другихъ фабрикантовъ плату; мало того, онъ даже открылъ

при своей фабрикѣ школу для обученія мальчиковъ, поступавшихъ къ нему въ ученье. Посѣтивъ фабрику Зверянинова, быть можетъ многіе не повѣрили бы, что она принадлежитъ старообрядцу—такъ отъ нея вѣяло духомъ прогресса.

Что касается до религіозныхъ убѣжденій Зверянинова, то, оставаясь раскольникомъ, онъ отстаивалъ только тѣ положенія своего толка, которыя казались ему логичными и непреложно справедливыми; такъ, возставая противъ куренія, онъ не разъ говорилъ:

— Медицина признаетъ, что табакъ дѣйствуетъ ядовито на здоровье, слѣдовательно—курильщикъ убиваетъ самъ себя, а самоубійство грѣхъ. Въ отношеніи-же тѣхъ пунктовъ, которые казались ему спорными, онъ рѣдко входилъ въ пренія. Вообще, это былъ раскольникъ новаго вѣка.

II.

Женившись по любви на бѣдной православной дѣвушкѣ, Зверянинов былъ (вопреки желанію молодой жены) заклятымъ врагомъ клубовъ и маскарадовъ; но онъ отказался отъ нихъ

потому, что, побывавъ разъ здѣсь, убѣдился нравственно въ томъ, что азартная игра въ мушку и домино и пустота маскарадныхъ интригъ едва-ли могутъ принести какіе либо хорошіе плоды.

День Зверянинова проходилъ въ занятіяхъ на фабрикѣ, а вечеръ въ семейной бесѣдѣ или за чтеніемъ вслухъ газетъ.

Въ Павлѣ Васильевичѣ каждый нуждающійся встрѣчалъ самое теплое сочувствіе; для примѣра мы разскажемъ слѣдующій случай.

На фабрику потребовался писецъ; сдѣлали публикацію, по которой явился студентъ.

— Я бы очень радъ взять васъ, сказалъ Зверяниновъ, когда молодой человѣкъ отрекомендовался ему, — но вѣдь вамъ нельзя заниматься утромъ, вамъ въ университетѣ нужно быть.

— Я долженъ оставить университетъ.

Павелъ Васильевичъ задумался.

— Почему же это? спросилъ онъ.

— Нѣтъ средствъ къ жизни.

— По какой вы части?

— По математикѣ: я посвятилъ себя преимущественно механикѣ.

Послѣ довольно продолжительнаго разговора

Зверяниновъ успѣлъ убѣдиться, что молодой человѣкъ любитъ искренно избранную имъ науку.

— Послушайте, сказалъ онъ ему,—я вижу, что у васъ есть дарованіе, есть все для того, чтобы стать человѣкомъ; нѣтъ только средствъ, но за ними дѣло не станетъ, была бы охота учиться.

Глаза студента загорѣлись лихорадочнымъ огнемъ.

— Средства? проговорилъ онъ.

— Да, видите-ли: мнѣ нуженъ домашній секретарь (Зверяниновъ боялся оскорбить молодаго человѣка непрошенною помощію), занятія вечернія, столъ, квартира готовыя и пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ жалованья. Живу я немножко далеко, да это ничего: моя лошадь будетъ отвозить и привозить васъ изъ университета. Хотите, такъ я очень радъ буду имѣть васъ своимъ секретаремъ.

Нужно ли говорить, что молодой человѣкъ съ горячею благодарностію принялъ предложеніе Зверянинова. Спустя два года онъ окончилъ курсъ и сдѣлался главнымъ управляющимъ фабрикою своего благодѣтеля. Этотъ поступокъ

не былъ единственнымъ въ жизни Павла Васильевича.

III.

Прошло одинадцать лѣтъ со дня женитьбы Зверянинова; у него уже былъ 10 лѣтній сынъ—отрада и надежда отца.

Понимая очень хорошо то, что образованіе въ нашъ вѣкъ необходимо, Зверяниновъ не щадилъ денегъ на воспитаніе сына. Мальчикъ, поощряемый ласками отца, дѣлалъ успѣхи и шелъ впередъ; вмѣстѣ съ развитіемъ и годами многіе изъ раскольническихъ обычаевъ стали казаться молодому Зверянинову смѣшными и онъ невольно откинулъ ихъ. Кто-то замѣтилъ это отцу.

— Если онъ не вѣритъ имъ, отвѣтилъ отецъ,—это его дѣло, значитъ онъ по совѣсти поступаетъ. Вотъ если бы онъ въ Бога вѣровать пересталъ—дѣло другое; а то, сказать по правдѣ, я и самъ-то не знаю, правы-ли они или нѣтъ. Когда сыну минуло семнадцать лѣтъ и онъ изъявилъ желаніе поступить въ университетъ, Зверяниновъ не только не возражалъ ему,

а даже внутренно радовался. Онъ сдѣлалъ по этому случаю только слѣдующее замѣчаніе:

«Объ одномъ прошу тебя, не гнушайся ты только коммерціею, какъ многія купеческія дѣтки, потому что образованный человѣкъ многое можетъ сдѣлать такое, что необразованному и въ голову не придетъ.»

Таковъ-то былъ этотъ замѣчательный и заслуживающій полнаго уваженія раскольникъ.

Юродивыхъ и странниковъ Зверянивовъ не терпѣлъ.

«Все это юродство только одно лицемѣріе— говорилъ онъ:—ради корысти юродствуютъ. Бѣденъ, нѣтъ силъ работать—приди, попроси, а не выманивай денегъ на пьянство юродствомъ.»

Нельзя не пожелать, чтобы путемъ Зверянинова шли всѣ наши старообрядцы, чтобы у насъ рѣже появлялись Адаманты, Селиверстовы, отцы Авраамы и юродивые, въ родѣ Никиты, чтобы этотъ спекулирующій на расколъ міръ исчезъ съ лица земли.

СКОПЦЫ (*).

I.

О томъ, кто былъ Сибиряковъ до принятія имъ на себя роли коповода скопцовъ.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ нашихъ уголовныхъ палатъ производилось дѣло о похищеніи изъ лавки купца Кайсакова его женою и прикащикомъ Максимомъ Ивановымъ Турскимъ 20,000 р. с. Преступники, не смотря на свои молодыя лѣта и самыя вопіющія противъ нихъ улики, упорно запирались, и энергическій слѣдователь, производившій это дѣло, при всей своей опытности, не могъ добиться отъ нихъ ничего болѣе, кромѣ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.»

(*) Настоящая рукопись, не безъинтересная по своему содержанію, попалась намъ въ руки совершенно случайно Она, очевидно, писана лицемъ, стоявшимъ близко къ Костромскимъ и Тамбовскимъ скопцамъ, Фамиліи дѣйствующихъ лицъ, повидимому, вымышленныя. Относительно времени описываемыхъ происшествій—надо полагать, что они принадлежатъ не къ очень отдаленной эпохѣ.

Купецъ Кайсаковъ принадлежалъ къ числу самыхъ состоятельнѣйшихъ обитателей своего города; но составленное имъ безукоризненно честнымъ путемъ богатство, не ослѣпило его: онъ остался тѣмъ же глубоко гуманнымъ, любящимъ все доброе и ненавидящимъ все злое человѣкомъ, какимъ былъ и въ годы своей бѣдности.

Турскій, служившій у него прикащикомъ, не былъ для него простымъ подчиненнымъ. Оставшись послѣ своего отца, разорившагося торговца, безпріютнымъ сиротою, осьмилѣтній Максимъ Турскій нашелъ въ Кайсаковѣ втораго отца. Послѣдній не только пріютилъ его, но и далъ ему такое образованіе, какое даютъ немногіе изъ купцовъ своимъ дѣтямъ. Окончивъ курсъ ученія въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній, Турскій сдѣлался полнымъ распорядителемъ дѣлъ своего благодѣтеля. Первый годъ дѣятельности на этомъ поприщѣ прошелъ довольно благополучно и доставилъ ему безграничное довѣріе бездѣтнаго и вдоваго Кайсакова. Быть можетъ, Максимъ Ивановичъ и продолжалъ бы идти по этому пути, если бы случай не сдружилъ его съ сыномъ милліонера Волкова. Со дня знакомства съ нимъ, для Турскаго на-

чалась самая разгульная жизнь въ кругу цыганокъ и камелій, подъ вліяніемъ которой онъ развращался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Между тѣмъ Василій Григорьевичъ (Кайсаковъ) встрѣтилъ молодую, бѣдную дѣвушку, полюбилъ ее и вступилъ съ нею въ бракъ. Не смотря на то, что Кайсаковъ былъ еще въ полной силѣ, не дуренъ собою и отличался рѣдкимъ умомъ, Елизавета Ѳедоровна не любила его, да едва-ли и могла любить кого-либо. Это была черствая натура, жаждавшая только одного мишурнаго блеска, шумныхъ наслажденій—пищи своему непомѣрному самолюбію. Василій Григорьевичъ скоро понялъ свою неисправимую ошибку и безропотно покорился своей судьбѣ. Съ этихъ поръ онъ сосредоточился въ самомъ себѣ и, предоставивъ женѣ полную свободу, проводилъ большую часть своего времени одиноко въ кабинетѣ за книгами или въ прогулкахъ по густымъ лѣсамъ, окружавшимъ городъ. Когда-то отличавшійся неутомимою и энергическою дѣятельностію, онъ сталъ теперь совершенно равнодушенъ къ ходу своихъ коммерческихъ дѣлъ. Неохотно и хладнокровно выслушивалъ онъ отчеты Максима объ увеличивавшихся съ каждымъ днемъ

потеряхъ и убыткахъ. Между тѣмъ, распоряжавшійся полновластно его дѣлами Турскій понялъ, что для осуществленія своихъ замысловъ ему необходимо сблизиться съ Елизаветою Ѳедоровною и сдѣлать ее сообщницею своего плана. Жена Кайсакова стала полюбовницею красиваго и ловкаго Максима почти безъ борьбы, и — странное дѣло—полюбила его страстно, безумно, до того, что, пренебрегая всѣми приличіями, начала появляться на оргіяхъ, устраиваемыхъ ея любовникомъ. Наконецъ, слухи объ измѣнѣ жены и ея поведеніи дошли и до Василія Григорьевича и заставили его пробудиться изъ своей апатіи. Въ душѣ его закипѣла ревность, но онъ не далъ замѣтить ея, а сталъ незамѣтно слѣдить за Турскимъ и Лизаветою Ѳедоровною. Два мѣсяца подобныхъ наблюденій привели его къ тому, что, однажды вечеромъ, онъ засталъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Ни жена, ни Турскій не услыхали отъ него упрековъ и брани. Онъ только горько, горько улыбнулся, и, выходя изъ уборной Лизаветы Ѳедоровны, сказалъ:

«Вы оба обманули меня жестоко!.. Знайте же, что теперь вы мнѣ чужіе!..»

Затѣмъ Кайсаковъ сдѣлалъ распоряженіе о

замѣнѣ Турскаго однимъ изъ своихъ прикащиковъ и объ устраненіи жены отъ распоряженія хозяйствомъ. Послѣ этого онъ снова еще крѣпче замкнулся въ своемъ кабинетѣ и отдѣлился отъ окружающаго его міра. Между тѣмъ, исторія о разрывѣ Кайсакова съ женою разнеслась по городу и общество отшатнулось и отъ нея, и отъ Максима Ивановича, и они только теперь сознали тягость заклеймившаго ихъ позора; только теперь, когда лишились средствъ вести свою прежнюю разгульную жизнь, поняли они цѣну общественнаго уваженія. Но это не заставило ихъ одуматься и раскаяться, а побудило только рѣшиться, для удовлетворенія своихъ страстей на новое преступленіе, и именно—на кражу.

Спустя мѣсяцъ послѣ обнаруженія связи Турскаго съ женою Кайсакова, изъ лавки послѣдняго было похищено билетами и деньгами до 20,000 р. с. Слѣдствіе, на самыхъ же первыхъ порахъ, указало на виновниковъ этой кражи, Лизавету Ѳедоровну и Турскаго, которые были захвачены въ одномъ изъ ближайшихъ окрестныхъ селеній, съ частію украденныхъ денегъ. Василій Григорьевичъ не перенесъ этого новаго позора: съ нимъ сдѣлался ударъ!

Заключенные въ острогъ, преступники, какъ мы уже замѣтили, отвергали упорно всѣ обвиненія. Наконецъ, приговоръ о ссылкѣ ихъ на поселеніе въ Сибирь былъ постановленъ и объявленъ. Кайсакова выслушала его съ рыданіями и стонами и не дошла до мѣста назначенія: она умерла на дорогѣ. Что касается до Турскаго, то онъ выслушалъ приговоръ совершенно спокойно. «И въ Сибирѣ люди живутъ!» думалъ онъ во время его чтенія, припоминая разсказы знакомыхъ сибиряковъ о привольномъ житьѣ поселенцевъ.

Съ партіею арестантовъ, въ которой шелъ Максимъ, слѣдовалъ, между прочими, и нѣкто Темрюковъ, ссылавшійся за различныя мошенничества. Это былъ, какъ говорится, человѣкъ бывалый, прошедшій огонь и воду.

На первомъ же привалѣ Турскій и Темрюковъ разговорились и стали друзьями: ихъ сближало, между прочимъ, и то, что оба они шли въ одно мѣсто, между тѣмъ какъ прочіе арестанты направлялись въ другія части Сибири.

Разъ Темрюковъ и Турскій шли и толковали, побрякивая цѣпями объ ожидающемъ ихъ житьѣ.

— Мнѣ что Сибирь, говорилъ Темрюковъ:

если бы мнѣ сотни двѣ рублей, то я бы и самъ богачемъ сталъ и другаго тѣмъ же сдѣлалъ.

— Сотни двѣ! ну, братъ, ты ужъ просто заливаешь! возразилъ Турскій: мы, бывало, по двѣ тысячи въ вечеръ спускали.

— Спускали,—то дѣло другое, это во-первыхъ, а во-вторыхъ—не въ Сибири; въ третьихъ же, надо знать, какъ съ ними поступить. Теперь, напримѣръ, скажу тебѣ, если на счетъ скопцовъ пройтись—такъ валяйся, какъ сыръ въ маслѣ!..

— На счетъ скопцовъ?

— Да, вотъ вишь ты, будь у насъ двѣсти рублевъ, мы бы мѣсяца два на поселеніи пожили, да и дали тягу. Пашпортъ на чужое имя съ деньгами промыслить не трудно. Ну, ушли бы, да къ скопцамъ и маршъ; у меня тамъ же, въ Сибири, есть одинъ скопецъ знакомый, а ужъ какъ доберемся до него,—такъ все тогда съ полгоря.

— Такъ-то такъ, да вѣдь скопцы, пожалуй, и изуродуютъ!

Темрюковъ расхохатался.

— Повести дѣло съумѣемъ: и денегъ дадутъ, а тронуть не тронутъ, потому что у нихъ есть,

и духовные скопцы, ты въ нихъ-то и нарови: а скопецъ духовный—это вотъ вожакъ—то и есть все ровно, что нашъ попъ.

Этотъ разговоръ глубоко запалъ въ душу Турскаго. Пришелъ онъ и на поселеніе; а ему все приходилъ разговоръ этотъ на память. Мысль о возможности сдѣлаться вожакомъ сектаторовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богачомъ, преслѣдовала его неотступно.

—

Однажды утромъ, года два спустя послѣ поселенія въ Сибири Темрюкова и Турскаго, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ тамбовскихъ скопцовъ получилъ письмо отъ своего близкаго пріятеля и единовѣрца. Въ этомъ письмѣ его увѣдомляли о томъ, что въ скоромъ времени къ нему прибудутъ духовные скопцы—Сибиряковъ и Караваевъ, которые могутъ принести великую пользу ихъ ученію почему и наставляли его принять ихъ съ надлежащимъ уваженіемъ и доставить средства къ дальнѣйшему странствованію. Въ дѣйствительности, Сибиряковъ и Караваевъ были не кто другіе, какъ бѣглые поселенцы—Турскій и Темрюковъ.

Осуществивъ свой планъ, т. е. запасшись фальшивыми паспортами и бѣжавъ съ поселенія, они пробрались къ знакомому Темрюкова скопцу одной изъ Сибирскихъ губерній. Темрюковъ представилъ своего товарища послѣднему, какъ ревностнаго послѣдователя скопчества, объѣхавшаго чуть-ли не полъ-міра для распространенія этого ученія и, какъ на доказательство силы его убѣжденій, указывалъ на самого себя.

«Никогда,—говорилъ онъ скопцу—и думать не думалъ я, что къ вамъ присоединюсь, а какъ послушалъ я Сибирякова, то вся истина мнѣ открылась и слѣпота моя пройде.» Далѣе имъ была пущена въ ходъ вымышленная исторія о томъ, какъ за распространеніе скопчества они были сосланы въ каторжную работу и какъ свѣтлый ангелъ освободилъ ихъ отъ цѣпей и вывелъ изъ темницы, какъ онъ повелѣлъ Сибирякову посѣтить всѣхъ богоугодныхъ скопцовъ, списокъ которыхъ былъ врученъ этому послѣднему тѣмъ же ангеломъ. Эти нелѣпыя разсказы произвели одуряющее впечатлѣніе на скопца-фанатика: онъ увѣровалъ въ посланничество Сибирякова и ко всѣмъ скопцамъ полетѣли отъ него извѣщенія о явленіи новаго ангела скопчества.

Куда ни появлялись Сибиряковъ и Караваевъ, вездѣ встрѣчали ихъ съ почетомъ и спѣшили къ нимъ съ приношеніями. Оба проходимца до того вошли въ свою роль, что каждый принялъ бы ихъ за самыхъ искреннихъ фанатиковъ. Между тѣмъ, они въ душѣ въ тихомолку подсмѣивались надъ скопцами, надѣлявшими ихъ щедро за разъигрываемую ими комедію.

II.

Какъ Сибиряковъ составилъ себѣ милліонное состояніе.

Въ К—ой губерніи съ давнихъ поръ проживалъ скопецъ Петръ Исаевичъ Хвостовъ. Это былъ бездѣтный, сѣдой старикъ, дошедшій до крайнихъ предѣловъ фанатизма и вѣры во все мистическое. У него-то и поселился Иванъ Максимовичъ Сибиряковъ (онъ же и Максимъ Ивановичъ Турскій) съ своимъ сотоварищемъ Караваевымъ (или Темрюковымъ). Проживъ здѣсь годъ, Сибиряковъ вполнѣ изучилъ характеръ Хвостова.

Однажды вечеромъ Сибиряковъ и Караваевъ сидѣли въ нумерѣ одной изъ городскихъ го-

стинницъ за столомъ, заставленнымъ бутылками вина.

— Ну что, Максимъ! говорилъ Караваевъ: думалъ-ли ты, какъ мы на этапѣ встрѣтились, что такъ заживемъ.

— Такъ-то такъ, да одно только... проговорилъ Сибиряковъ.

— Что такое?

— А то, что наскучила мнѣ эта жизнь; хотѣлось бы пожить на распашку.

— Гм... Оно, положимъ, и хорошо бы,—замѣтилъ Караваевъ,—да вѣдь и то сказать, что и настоящая жизнь совсѣмъ не то, что на поселеніи.

— Я не спорю.... но вѣдь рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше.

— Да кто-жъ тебѣ мѣшаетъ искать, только найти-то трудно.

— Трудно? ну, а что ты скажешь, если я бы нашелъ средство жить иначе.

— Что скажу? конечно, не назову дуракомъ.

— Ну такъ вотъ видишь-ли ты: вѣдь этотъ дуракъ Хвостовъ вѣритъ въ мои видѣнія, какъ въ истину. Скажи я ему: зарѣжь себя—онъ и зарѣжетъ...

— Вѣрно! только въ томъ, что онъ себя укокошитъ—для насъ проку мало.

— Нѣтъ не мало. Хочу я такую штуку устроить. Какъ позоветъ онъ меня пророчествовать, я и возвѣщу ему: призываетъ тебя, молъ, рабъ Петръ, Господь на лоно Авраамово и повелѣ онъ тебѣ передати твое злато и сребро отцу Іоанну Сибирякову, отпустити его съ миромъ и когда онъ будетъ за тысячу верстъ отъ дома твоего, воспріяти мученическую смерть отъ руки своей, а домъ свой истребить пламенемъ. Понимаешь, дѣло хочу устроить такъ, чтобы и концы въ воду.

— А что, вѣдь ты такую штуку придумалъ, что намъ послѣ, пожалуй, и скопцовъ не нужно. Вѣдь этотъ старый чортъ страшно богатъ!

— А то нѣтъ развѣ; я думаю, около милліона имѣетъ.

— Еще бы!

И друзья принялись за бутылки вина.

Планъ Сибирякова удался какъ нельзя болѣе. Выжившій изъ ума фанатикъ Хвостовъ ни на минуту не усумнился въ томъ, что повелѣніе, изрек мое Сибиряковымъ, нисходитъ свыше, и, спустя нѣсколько дней послѣ онаго, наши герои покинули его домъ съ миліоннымъ капиталомъ, переданнымъ имъ Петромъ Исаевичемъ.

Прошелъ мѣсяцъ со дня ихъ отъѣзда. Хвостовъ получилъ увѣдомленіе о [redacted] одного изъ своихъ пріятелей о томъ, что Сибиряковъ прибылъ въ Москву и въ тотъ же день по городу разнеслася вѣсть о пожарѣ дома Хвостова, во время котораго сгорѣлъ и самъ хозяинъ. Какъ водится, объ этомъ случаѣ потолковали, поговорили, даже по поводу его было наряжено слѣдствіе, но ни молва, ни дознаніе не обнаружили ничего, кромѣ того, что, было всѣмъ извѣстно т. е. что домъ, со всѣмъ имуществомъ и его владѣльцемъ, сгорѣлъ до тла, а виновники этого происшествія такъ-таки и остались незаподозрѣнными въ совершенномъ ими преступленіи.

III.

Отпаденіе Сибирякова отъ скопчества.

Въ то время, когда Сибиряковъ прибылъ въ Москву, имя его было уже извѣстно всѣмъ скопцамъ, относившимся къ нему какъ къ своему главѣ и іерарху. Скопцы смотрѣли на него, какъ на вдохновеннаго пророка и мученика, и видѣли въ немъ чуть-ли не втораго Селиванова; по этому, нѣтъ ничего изумительнаго, что всѣ представители скопчества спѣшили, по пріѣ-

ѣздѣ его въ Москву, явиться къ нему на поклонъ.

Первымъ посѣтилъ его мѣняла Никита Скалозубый.

Сибиряковъ принялъ его въ своемъ кабинетѣ. Никита началъ разговоръ о дѣлахъ религіи.

Максимъ Ивановичъ слушалъ его и улыбался.

— Все это нелѣпость! сказалъ онъ наконецъ, закуривая сигару.

Скопецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Пора бы, добавилъ Сибиряковъ, бросить вамъ эту дурь. А то, уродуете себя, безумствуете, точно изъ дома сумасшедшихъ вырвались.

Скалозубый вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный.

— Какъ бы моя воля была,—продолжалъ Сибиряковъ—я бы васъ всѣхъ плетьми отстегалъ.

— Святъ, святъ, святъ! воскликнулъ Никита и бросился опрометью вонъ изъ квартиры Сибирякова.

Когда между собратіями Скалозубова разнеслась вѣсть объ отпаденіи Сибирякова, многіе изъ нихъ не хотѣли вѣрить тому, но двое, трое попробовали явиться къ нему и услыхали почти тоже самое, что и Никита, тогда на нарочно

устроенномъ собраніи скопцы предали Ивана Максимовича проклятію и порѣшили, что онъ никогда и не былъ скопцемъ, а просто прикинулся ихъ единомышленикомъ для того, чтобы фискалить и доносить на нихъ.

IV.

Мщеніе скопцовъ.

Порвавъ всѣ связи со скопчествомъ, Сибиряковъ жилъ на широкую ногу и занялся коммерческими дѣлами; но скопцы не дремали: они зорко слѣдили за нимъ и собирали о немъ справки; наконецъ, почти послѣ двухъ-годовыхъ усилій, прошлое Сибирякова обнаружилось для нихъ во всей подробности, благодаря содѣйствію одного изъ бывшихъ прикащиковъ Кайсакова.

Однажды Иванъ Максимовичъ сидѣлъ съ своимъ компаніономъ Караваевымъ, когда ему доложили о приходѣ купца Трифонова, явившагося будто бы для покупки значительной партіи товара.

Когда Трифоновъ вошелъ къ комнату, лице его показалось знакомо Сибирякову, но гдѣ и когда онъ видѣлъ его—онъ припомнить не могъ.

— Мы съ вами встрѣчались гдѣ-то ранѣе! сказалъ, обращаясь къ нему, Иванъ Максимовичъ.

— То есть—перебилъ его Трифоновъ,—не только что встрѣчались, но и жили вмѣстѣ.

Сибиряковъ поблѣднѣлъ.

— Жили? переспросилъ онъ.

—.Да-съ. Только одного я вотъ, батюшка, не пойму: зачѣмъ это вы себя изъ Максима-то въ Ивана перекрестили, да изъ Турскаго Сибиряковымъ сдѣлались? отвѣтилъ Трофимовъ. А то какъ мнѣ васъ не знать: помню, какъ теперь, какъ васъ и въ острогъ-то отправили.

Сибиряковъ молча выслушалъ слова Трифонова; онъ смѣшался и оробѣлъ; но мало;—помалу силы и присутствіе духа къ нему возвратились.

— Что вы мнѣ тамъ такое разсказываете! воскликнулъ онъ:—называете меня Турскимъ, уличаете въ перемѣнѣ имени. Вы забылись! Вонъ отсюда!..

— Уйти-то я уйду,—возразилъ—Трифоновъ только не одинъ, а вмѣстѣ съ вами!

— Вы шутите! Повторяю вамъ, иначе...

Онъ не договорилъ, потому что въ эту ми-

нуту дверь отворилась и на порогѣ показалась полиція.

Сибиряковъ и Караваевъ были заарестованы и посажены въ острогъ. Слѣдствіе доказало, кто они, и имъ снова пришлось поселиться въ Сибири.

Анекдоты изъ жизни раскольниковъ, старообрядцевъ и сектаторовъ.

I.

Однажды на Кремлевскихъ преніяхъ раскольниковъ и православныхъ препирались старообрядецъ и гостинодворецъ; споръ шелъ о бородѣ.

— Человѣкъ—говорилъ старообрядецъ—сотворенъ съ бородою, слѣдовательно и брить бороду значитъ искажать образъ Божій.

— Нѣтъ—возразилъ гостинодворецъ: человѣкъ созданъ былъ безъ бороды, а борода выросла у него по грѣхопаденіи. Вотъ и дѣти невинныя безъ бороды рождаются, а отрастаетъ она только тогда, когда человѣкъ грѣшить начинаетъ: значитъ, брѣя бороду мы приближаемся къ своему первообразу.

Выслушавъ это возраженіе старообрядецъ смѣшался и не нашелся что отвѣтить.

II.

Однажды раскольникъ и православный сидѣли за графиномъ водки. Православный закурилъ сигару.

— Дьявольское зелье! замѣтилъ старообрядецъ.

— А водка? возразилъ собесѣдникъ.

— Вино есть веселіе пити! отвѣтилъ первый изъ нихъ.

— Всякій злакъ на потребу человѣка,—перебилъ его послѣдній.

— Вино и праотецъ Ной потреблялъ!

— Положимъ; докажи же мнѣ, что онъ не курилъ сигаръ?

Старообрядецъ сбился и замолчалъ.

III.

Одинъ богатый раскольникъ, узнавъ, что сынъ его тайкомъ отъ него ѣздитъ по баламъ, вечерамъ, маскарадамъ и вообще ведетъ самую разсѣянную жизнь, призвалъ его къ себѣ и сталъ говорить о томъ, что танцы и тому подобныя забавы—веселіе сатанинское.

Сынъ выслушалъ и затѣмъ сказалъ:

— Батюшка, я бываю тамъ не для веселія, а для служенія вѣрѣ.

— Какъ такъ?

— Я бесѣдую и наставляю на путь истины всѣхъ встрѣчающихся мнѣ.

— Кого же?

— Женщинъ, потому что они наиболѣе на мужей своихъ вліянія имѣютъ.

— Для чего же ты скрывалъ отъ меня это? сказалъ отецъ.

— Добрыя дѣла въ тайнѣ творятся! отвѣчалъ сынъ безъ запинки.

Отецъ повѣрилъ и, въ знакъ своей признательности тутъ же подарилъ сыну двѣсти рублей съ которыми, разумѣется, и отправился въ тотъ же день на одинъ вечеръ.

По пріѣздѣ его сюда, онъ встрѣтился съ однимъ знакомымъ, который попросилъ угостить его виномъ.

— Хорошо, отвѣтилъ молодой старообрядецъ:—я согласенъ, только пока мы будемъ пить, ты не-кури.

— Это что за фантазія! возразилъ знакомый: вѣдь ты и самъ куришь!

— Курю; но мы будемъ пить на деньги отца, который далъ ихъ мнѣ для того, чтобы я служилъ на вечерахъ дѣламъ нашей вѣры.

И онъ разсказалъ свое объясненіе съ отцемъ.

IV.

Одинъ фабрикантъ-раскольникъ расплачивался съ своими рабочими крайне дурно. Разъ рабочіе, послѣ напрасныхъ просьбъ, отправились жаловаться на него полицейскому начальству.

Полицейскій чиновникъ, человѣкъ весьма гуманный, отправился тотъ же часъ къ фабриканту.

— Ваши рабочіе, сказалъ онъ ему, жалуются, что вы имъ должны. Признаете вы это?

— Да, я имъ долженъ! отвѣтилъ раскольникъ.

— Почему-же не платите?

— Чтобы сотворить богоугодное дѣло.

— Какъ такъ?

— Сегодня постный день и если я заплачу имъ, они нарушатъ постъ, а если не заплачу— выдержатъ его.

Разумѣется, этотъ аргументъ не убѣдилъ полицейскаго и фабрикантъ долженъ былъ заплатить деньги.

V.

Богатый раскольникъ П—въ однажды н-а

пился въ какомъ-то ресторанѣ, и сталъ буйствовать.

— Не стыдно ли тебѣ! сталъ увѣщевать его бывшій съ нимъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, не стыдно; тебѣ было бы стыдно, а мнѣ нѣтъ.

— Это почему?

— А потому, что я по старой вѣрѣ; ну, а въ старину всѣ буйствовали.

VI.

Сектаторъ Р—въ, встрѣтившись разъ съ своимъ благопріятелемъ С—имъ, сталъ упорно звать его выпить съ нимъ нѣсколько бутылокъ вина.

— Да что съ тобою? спросилъ послѣдній: не имянинникъ ли ты сегодня?

— Нѣтъ!

— Такъ не имянинница ли жена?

— И то нѣтъ!

— Ну вѣрно продалъ выгодно товаръ?

— Опять нѣтъ!

— Такъ что же такое, наконецъ?

— А то, что на меня пожертвованія собирали!

— Какъ на тебя.

— Очень просто: мнѣ надо по дѣламъ въ К—му ѣхать, вотъ и собралъ я своихъ и давай имъ размазывать; такъ, молъ, и такъ: по дѣламъ нашей вѣры надо въ К—му съѣздить, они и растаяли, развязали кошельки и давай валить; да вѣдь какъ ты думаешь, сколько навалили?—ровно шесть тысячъ рублей.

— Гм... дѣло выгодное!

— Еще бы! ни трудовъ, ни товару—а кушъ приличный нажилъ! Вотъ ты и пойми теперь—почему я придерживаюсь ихъ вѣры.

VII.

Одинъ фанатикъ дошелъ до того, что всѣ свои помыслы сосредоточилъ на томъ, какъ бы ему сочинить свою вѣру и пріобрѣсть какъ можно болѣе послѣдователей. За совѣтомъ онъ обратился къ одному ученому.

— Какъ бы мнѣ назвать свою вѣру? спросилъ онъ его, и какъ бы пріобрѣсти побольше послѣдователей?

— Назовите ее Insania,—отвѣчалъ ученый: а чтобы пріобрѣсть послѣдователей, платите каждому кто пожелаетъ перейти въ нее.

VIII.

Разъ какъ-то одного перешедшаго въ единовѣріе раскольника встрѣтилъ бывшій его сотоварищъ, оставшійся вѣренъ расколу.

— Что это тебѣ пришло въ голову перейти въ единовѣріе? спросилъ его послѣдній.

— Очень просто,—отвѣчалъ первый:—меня заставило сдѣлать это то, что вы по старому завѣту имѣете обыкновеніе брать деньги въ долгъ, безъ векселей.

Раскольникъ, должный единовѣрцу и не платившій ему долга, болѣе съ подобными вопросами къ нему не обращался.

IX.

Одному скопцу доказывали разъ нелѣпость скопческаго ученія. Онъ долго настаивалъ на правотѣ своихъ убѣжденій наконецъ, будучи не въ силахъ болѣе отстаивать ихъ, сказалъ:

— Сдѣлайте меня не скопцомъ, и я съ радостію скажу, что все это нелѣпость, а теперь волей—неволей долженъ твердить тоже и то, хотя и знаю, что это ложь.

—

Поговорки раскольниковъ, старообрядцевъ и сектаторовъ.

I.

Кто съ міромъ мирится, тотъ намъ не годится.

II.

Кто куритъ табакъ, тотъ путь себѣ къ аду пролагаетъ.

III.

Кто трубку въ уста пихаетъ, тотъ самъ себя осуждаетъ.

IV.

Кто бороду свою брѣетъ, тотъ души своей не жалѣетъ.

V.

Кто фракъ кургузый одѣваетъ, тотъ себя въ хламиду адскую облачаетъ.

VI.

Аще человѣкъ къ женѣ единой прилѣпится, изъ вѣры отцовъ уклонится.

VII.

Злата не люби, женѣ главу не преклони.

VIII.

Надъ старцемъ не смѣйся, зане старецъ старое знаетъ, правоту возвѣщаетъ.

IX,

Бѣлый голубь въ небеси кружится, такъ и человѣче веселится.

X.

Раденіемъ радѣй, сердцемъ будь смѣлѣй.

XI.

Братъ брата почитай, а своего не забывай.

XII.

Вдовицъ призирай, нищихъ ублаготворяй, а чаще къ мірянамъ не учащай.

XII.

Зелья адскаго не потребляй, свою утробу имъ не изжигай.

XIV.

Блуда страшися, жены избѣгай, душой и тѣломъ себя воздвигай.

XV.

Личины на лице свое не возлагай и тѣмъ бѣсу не подражай.

—

Раскольническія, старообрядческія и сектаторскія стихотворенія новѣйшаго времени.

I.

Подвизаюсь я и ликую горѣ,
Не страшитъ меня огня море!
Чистъ и непороченъ, аки голубь бѣлый,
Голубь бѣлый, пребѣлый!
Радѣю радѣньемъ,
Со всѣмъ смиреньемъ.
Ликую я горѣ
На горѣ Θаворѣ.
Веселись мое сердце и члены!
Я радѣю безъ смѣны,
Въ небѣ витаю,
Тебя почитаю.
Радѣю радѣньемъ,
Со всѣмъ смиреньемъ.
Ликую я горѣ,
На горѣ Θаворѣ.

II.

Объ адскомъ зельѣ, табакомъ нарицаемомъ.

Чада, адской злобы страшитесь
И ея зельемъ не прельститесь,

Уста имъ свои не оскверните,
Себя тѣмъ не погубите.
Зелье сіе самоубивство причиняетъ,
И кто оное надъ особй совершаетъ,
Тотъ прямо въ огнь поступаетъ,
Самъ себѣ зло пріуготовляетъ.

III.

Надпись на памятникѣ старообрядца С—ва.

Подъ симъ камнемъ почіетъ
Мужъ отцевъ завѣту вѣрный.
Его духъ насъ вознесетъ
Въ его домъ для всѣхъ примѣрный.
Дѣти-жъ, къ горести отца,
Вѣрѣ нашей измѣнили
И отъ насъ вдругъ отступили.
Пусть каждый вѣдаетъ сіе!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ИЗЪ ИСТОРІИ УНІИ.

I.

Когда и кѣмъ основаны девять существовавшихъ до перваго раздѣла ея въ Польшѣ епархій, неизвѣстно. Что же нѣкоторыя изъ оныхъ весьма древнія, можно знать оттуда, что въ исторіяхъ какъ Россійскихъ, такъ и Польскихъ, воспоминаются съ древнихъ временъ епископы Владимірскіе, но не Россійскаго Владиміра, который до 1158 года не былъ и княжествомъ, но состоялъ въ княженіи Ростовскомъ (какъ сіе первымъ и достовѣрнѣйшимъ Русскимъ Исторіографомъ, Препод. Несторомъ (*), противъ непростительной погрѣшности новыхъ историковъ Россійскихъ доказывается д—*Владиміра Волынскаго* (**); въ коемъ прежняго княженія вездѣ слѣды находятся. Воспоминаются также епископы, Полоцкіе, Туровскіе и Перемышльскіе; напримѣръ, въ 1090

(*) См. *Лѣтоп.* его *по сп. Никон.* Ч. 2. стр. 53, 90, 161.

(**) Всѣ почти Россійскіе историки пишутъ, что отъ В. Кн. Владиміра, въ 989 г., данъ въ удѣлъ сыну его Всеволоду городъ Владиміръ, безъ сомнѣнія, Волынскій; ибо построеніе Россійскаго Владиміра на рѣкѣ Клязьмѣ послѣдовало

году на перенесеніи мощей Св. Ѳеодосія, игумена Печерскаго, былъ епископъ Владимірскій *Стефанъ* (1); 1104 года поставлены епископами: во Владиміръ *Амфилохій*, а въ Полоцкъ *Мина* (2). Послѣ того, въ 1147 году, на соборѣ, избиравшемъ *Климента*, Митрополита Кіевскаго, были епископы: *Ѳеодоръ* Владимірскій, *Іоакимъ* Туровскій и *Косьма* Полоцкій (3). Далѣе, въ 1182 году, находимъ въ Туровѣ епископа *Лаврентія*, и въ Полоцкѣ *Николая* (4). Наконецъ, въ 1415 году, на бывшемъ въ Новгородѣ Литовскомъ, что близъ рѣки Нѣмана, соборѣ воспоминаются почти всѣхъ тѣхъ Епархій Епископы, а именно: *Ѳеодосій* Полоцкій, *Діонисій* Луцкій, *Герасимъ* Владимірскій, *Геласій* Перемышльскій, *Харитонъ* Хельмскій, *Евфимій* Туровскій,

---

уже въ 992 г., что тѣ же самые историки утверждаютъ, хотя и то сумнительно. Справедливость сего доказываетъ и издатель Россійскаго *Географическаго Лексикона* подъ словомъ *Владиміръ*, на стр. 61, говоря при томъ, что сей городъ построенъ уже въ XII столѣтіи В. Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Ошибку сію нѣкоторые и изъ новѣйшихъ писателей сами примѣтили, но или не зная о состоящемъ нынѣ въ Польшѣ, а прежде бывшемъ въ Россіи, на Волыни, городѣ Владимірѣ, либо не имѣя достаточнаго свѣдѣнія о древней Россійской Географіи, не знали, какъ оную исправить. Чудно, что г Еминъ, хваставшись знані-

какъ то изъ реестровъ о митрополитахъ Кіевскихъ и изъ книжицы Кульчинскаго: Specimen Ecclesiae Ruthenicae, печатанной въ Римѣ 1734 г., значитъ. *Львовскій* же епископъ на томъ соборѣ не упоминается, понеже во Львовѣ особливаго епископа не было, но состоялъ тотъ городъ въ епархіи митрополита Кіевскаго, какъ и Галичъ. И если вѣрить можно повѣсти, написанной въ уніятской книжкѣ подъ заглавіемъ: Sowita Wina, то въ 1358 году, получивъ митрополію Кіевскую, *Макарій*, прежде бывшій придворный Епископъ Королевы Польской, а дщери Великаго Князя Іоанна Васильевича, Елены, по причинѣ дальняго разстоянія отъ Кіева, поставилъ особаго Епископа, съ привилегіею королевскою.

емъ премногихъ языковъ, въ томъ числѣ ольскаго, Литовскаго и Латинскаго, проронилъ важное сіе мѣсто, не справясь съ историками сихъ народовъ, тѣмъ паче, что сей писатель, сколь ни витіеватъ и плавенъ въ слогѣ, свойственномъ историку, при всемъ томъ на многихъ и такихъ ссылался авторовъ, которыхъ и на свѣтѣ никогда небыло, какъ *Лѣтопись Могилы. Брунона* и другихъ.

(1) См. *Лѣтоп.* Нестор. по сп. *Никон.* ч I, стр. 194.

(2) См. тамъ же, ч. II, стр. 38.

(3) См. *Патер Печер*, л. 189 на оборотѣ

(4) См. *Патер. Печер.* л. 206, въ житіи преп *Поликарпа*, архим. Печерскаго.

II.

Всѣ вышереченныя Епархіи съ своими Епископами по 1595 годъ твердо пребывали въ благочестіи. Но предъ тѣмъ, когда, въ 1589 году, патріархъ Константинопольскій *Іеремія*, возвращаясь изъ Москвы, (гдѣ перваго патріарха Іова въ 1588 г. посвятилъ) и бывшій въ Польшѣ, узналъ, что бывшій тогда митрополитъ Кіевскій *Онисифоръ*, прозываемый Дѣвочка, есть изъ двоеженцевъ, то лишилъ его чина; тоже учинить помышлялъ и съ Епископомъ Луцкимъ *Кирилломъ* Терлецкимъ, яко беззаконно жившимъ: по сему случаю, особливо хитростію помянутаго Луцкаго Епископа Терлецкаго, Митрополитъ со Епископами, собравъ соборъ въ Брестѣ-Литовскомъ, согласились принять Унію, однако не всѣ. Ибо Епископы Львовскій и Перемышльскій были противнаго мнѣнія; а согласившіеся были сіи: Митрополитъ Кіевскій, вышереченнымъ патріархомъ Іереміею, на мѣсто Онисифора, поставленный *Михаилъ* Рагоза, Владимірскій Епископъ Прототроній *Ипатій* Поцѣй, Луцкій Епископъ Ексархъ *Кириллъ* Терлецкій, Полоцкій нареченный только Архіепископъ *Григорій* Германъ, Хелмскій Епископъ *Діонисій* Збируйскій, Пинскій Епископъ *Леон-*

тій Пелчицкій, и Архимандритъ Кобринскій, нареченный токмо Епископъ Пинскій *Іона* Гоголь изъ числа же не согласившихся остались только два Епископа: Львовскій *Гедеонъ* Болабанъ и Перемышльскій *Михаилъ* Копыстенскій, коихъ однако имена подписавъ прочіе, послали о томъ прошеніе къ Папѣ Римскому того времени Клименту VIII, чрезъ вышеупомянутыхъ двухъ Епископовъ, Владимірскаго и Луцкаго.

Съ какою у Папы приняты они церемоніею, то подробно описалъ Кардиналъ *Бароній*, въ концѣ VII тома своихъ *Церковныхъ Лѣтописей* (Annales Ecclesiasticae).

Когда возвратились изъ Рима съ Уніею тѣ два Епископа, и хотѣли обнародовать папскія граматы, тогда состоялись въ Брестѣ-Литовскомъ два противные собора въ 1596 году, одинъ изъ Благочестивыхъ, накоторомъ находились два вышереченные Епископа, Львовскій *Гедеонъ* и Перемышльскій *Михаилъ* съ Протосингеломъ, присланнымъ отъ Патріарха Константинопольскаго, Грекомъ *Никифоромъ*, и со многимъ числомъ духовенства, также шляхетства и знатныхъ господъ исповѣданія Грековосточнаго; а другой соборъ

составился изъ Епископовъ Уніятовъ, съ ихъ Митрополитомъ и весьма малымъ числомъ духовенства, согласившагося на Унію: но оный крайне умножили духовенство Римскаго исповѣданія и Сенаторы, отъ Короля въ подкрѣпленіе, имъ присланные. Сіи-то соборы взаимно одинъ другаго анаѳемѣ предавали, и одинъ на другаго по разнымъ судебнымъ мѣстамъ *протестаціями* жалобы приносили.

Съ того времени Уніяты, подкрѣпляемые тогдашнимъ Королемъ Сигизмундомъ III и духовенствомъ Римскимъ, усилились, и стали отнимать благочестивыя церкви и знатнѣйшіе монастыри, разными способами угнетая православныхъ. Напротивъ ттого, блэгочестивые день отъ дня умалялись, не имѣя своихъ Епископовъ (кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ, Львовскаго и Перемышльскаго, да Греческихъ, кои пріѣзжали къ нимъ тайно). И хотя просили Короля на сеймахъ о дозволеніи избрать себѣ своихъ Епископовъ правовѣрныхъ, но Король не дозволялъ имъ того во всю свою жизнь, именно до 1632 года.

III.

Въ 1620 или въ 1621 году возвращался изъ Москвы, чрезъ Кіевъ, Патріархъ Іерусалимскій *Ѳеофанъ*, который, по прошенію Запорожскаго

казачьяго Гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, также духовенства, шляхетства и всего народа, Грековосточнаго исповѣданія придержавшагося, безъ дозволенія королевскаго, посвятилъ во всѣ Епархіи, Уніятами отнятыя, Архіереевъ благочестивыхъ а именно: въ Кіевъ Митрополитомъ *Іова* Борецкаго, во Владиміръ Епископомъ, *Іезекіиля* Корцевича, въ Луцкъ *Исаакія* Черсицкаго, въ Полоцкъ Архіепископомъ *Мелетія* Смотрицкаго, въ Перемышль Епископомъ, гдѣ и прежде былъ Благочестивый Архіерей, *Исаію* Копинскаго (*), въ Хелмъ *Паисія* Ипполитовича. Въ Пинскъ также Епископа произвелъ, но имени его не можно по исторіямъ знать (*). А во Львовъ никого не посвятилъ, потому что живъ былъ *Гедеонъ* Болобанъ, тамошній Епископъ православный. Сіи, безъ дозволенія королевскаго, поставленные Епископы иначе не могли, какъ только тайнымъ обра-

(*) Онъ былъ первый Ректоръ Кіевскихъ Училищъ основанныхъ 1588 году.

(*) Митрополитъ Евгеній въ своемъ *Опис. Кіевск. Іерархіи*, стр. 156. Пинскаго Епископа, посвященнаго Патріархомъ Ѳесафаномъ, именуетъ *Авраамiемъ Стагонскимъ*, говоря, что онъ былъ Грекъ. Впрочемъ, въ каталогахъ *Стебельскаго*, ни сей Епископъ, ни другіе, не упоминаются, кромѣ одного Мелетія

зомъ, въ Епархіи свои пріѣзжать; почему въ Кіевѣ или по монастырямъ малороссійскимъ по большей части жительствовали: ибо Король далъ свои повелѣнія вездѣ ихъ ловить и казни предавать. Одинъ изъ числа ихъ, *Мелетій* Смотрицкій, послѣ убіенія въ Витебскѣ, въ 1623 ноября 12, Полоцкаго Уніатскаго Архіепископа *Іосафата* Кунцевича, которое его же Смотрицкаго возмущеніемъ послѣдовало, самъ вскорѣ Уніятомъ сдѣлался, и послѣ того, возвратясь въ благочестіе, опять Унію принялъ, въ которой и умеръ,

IV.

По смерти Короля Сигизмунда III (*), который былъ великій благочестивыя Вѣры гонитель въ разсужденіи введенной Уніи дѣлались въ народѣ возмущенія, а отъ Запорожскихъ казаковъ послѣдовали неоднократно войны: почему въ 1632 году, на сеймѣ избирательномъ послѣдовало нѣкоторое примиреніе между Благочестивыми и Уніятами, чрезъ посредство Королевскаго сына Владислава IV, бывшаго тогда Короля Шведскаго и избраннаго на томъ же

(*) Онъ царствовалъ въ Польшѣ послѣ Стефана Баторія, съ 1587 до 1632, 44 года; былъ также и Королемъ Шведскимъ. *Прим. Соч.*

сеймѣ Королемъ Польскимъ. Онаго примиренія пунктами опредѣлено: быть *двумъ* Митрополитамъ, Уніятскому и не Уніятскому, т. е. Благочестиваго закона Греческаго, а потому и въ Полоцкой Епархіи также *двумъ*, Архіепископу Полоцкому Уніяту, и Епископу Могилевскому не Уніяту, коему *Мстиславскимъ и Оршанскимъ* именоваться. Сіе-то есть первоначальное основаніе особливой Могилевской Православной Епархіи. Опредѣлено также было и Епархіямъ: *Перемышльской, Львовской* и *Луцкой* быть за Благочестивыми, и изъ нихъ на оныя Епископовъ избирать, а о Епархіяхъ *Владимірской, Хелмской* и *Пинской* ничего не упомянуто, можетъ быть для того, что оныя были тогда уже подвластны Уніятамъ, а по сему въ вѣдомствѣ ихъ и оставлены. Пункты сіи изображены въ книжицѣ: *Права Религіи или закона Грековосточнаго*, напечатанной въ Варшавѣ 1767 года, на стр. 33 (*). Послѣ того, въ 1650 и 1659 годахъ, когда Поляки казацкою вой-

(*) Книжка сія принадлежитъ перу *Георгія Конискаго*, хотя онъ о томъ здѣсь молчитъ. Полное заглавіе оной есть слѣдующее: Prawa i wolności obywatelom Korony Polskiey i W. X. Litewskiego, Religi Greckiey wyznawcom służące.» Напечатана въ листъ *Прим. изд.*

ною крайне были притѣснены; то еще и Хелмскую Епархію опредѣлено было возвратить Благочестивымъ, а наконецъ и всю Унію истребить данными казакамъ привилегіями обѣщано; но тѣ обѣщанія и опредѣленія, какъ скоро война къ окончанію приходила, остались навсегда безъ дѣйствія. Ибо не видно нигдѣ никакихъ слѣдовъ, чтобы Хелмская Епархія была когда-либо возвращена Благочестивымъ. А въ Перемышльской, Львовской и Луцкой Епархіямъ, по силѣ тѣхъ опредѣленій, хотя и были благочестивые Епископы поставлены, однако, не получивъ отъ Уніятовъ лучшихъ своихъ монастырей и церквей и вотчинъ, Епископамъ принадлежавшихъ, и находясь во всегдашнемъ отъ нихъ озлобленіи, наконецъ совсѣмъ перевелись: ибо Перемышльскій Епископъ *Инокентій* Винницкій, еще до трактата о вѣчномъ мірѣ, съ Россіею постановленнаго въ 1686 году, Унію принялъ. Львовскій же Епископъ *Іосифъ* Шумлянскій, и Епископъ Луцкій *Мелетій* (или, какъ *Нѣсецкій* его называетъ, *Діонисій*) Жабокрицкій, вскорѣ послѣ онаго трактата,—хотя онымъ и были предоставлены Епархіи: Луцкая, Галицкая, Львовская, Перемышльская и Бѣлорусская для Благочестивыхъ—тоже учинили. Былъ еще

въ 1711 году поставленъ въ Луцкую Епархію Благочестивый Епископъ *Кириллъ* Шумлянскій; но онъ, пріѣхавъ изъ Кіева въ Луцкъ, того же года оттуда изгнанъ, и окончилъ остальные дни жизни своей въ Малой Россіи, будучи Епископомъ Переяславскимъ.

V.

Итакъ, одна изъ всѣхъ Епархій Благочестивыхъ, *Могилевская*, бывшая прежде частью Полоцкой, осталась въ Польшѣ. Въ оной по нынѣшнее время не болѣе 130 церквей находится, а отнято уже по заключеніи вышеозначеннаго трактата, чрезъ владѣльцевъ и духовенство Римское и Уніатское болѣе 200, кои Архіепископу Полоцкому отданы. И послѣ того, когда отъ нынѣшняго Епископа Могилевскаго Преосвященнаго *Георгія* Конискаго, принесены были жалобы о томъ, во-первыхъ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ наиревностнѣйшей Защитницѣ и истинной Покровительницѣ Благочестія, въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ, потомъ Королю Польскому Станиславу Августу и Рѣчи Посполитой въ Варшавѣ,— не преставали они и не удерживались, какъ неистовствующіе, вооруженною рукою отнимать.

БИБЛІОТЕКА
№ 1438

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Вступленіе . . . . . 3.

Блюстительница раскола, вдова благочестивая Адамантъ . . . . . 27.

Столпы правовѣрія . . . . . 50.

Коноводъ сектаторовъ. . . . . 58.

Меценатъ раскольниковъ . . . . . 67.

Вдали отъ суеты мірской . . . . . 83.

Скопцы. . . . . 90.

Анекдоты изъ жизни раскольниковъ, старообрядцевъ и сектаторовъ . . . . . 106.

Поговорки раскольниковъ, старообрядцевъ и сектаторовъ. . . . . 113.

Раскольническія, старообрядческія и сектаторскія стихотворенія . . . . . 115.

Легенды и преданія раскольниковъ, старообрядцевъ, скопцовъ и сектаторовъ . 116.

Прибавленіе изъ исторіи Уніи . . . . . 117.